

ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ**PUBLICATION OF MATERIALS**

УДК 930.2

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-153-204

**Актуализация отечественной историографии Англии
в начале Великой Отечественной войны
(к публикации текста С. И. Архангельского
«Роль русских историков в разработке истории Англии»
(август 1941 г.))**

А. А. Кузнецов, О. В. Селиванова

Статья предваряет публикацию большого текста крупного советского историка С. И. Архангельского. Текст представляет собой обзор персонального изучения истории Англии в России во второй половине XIX – первой половине XX веков. Этот обзор был написан в августе 1941 года. Уже два месяца шла Великая Отечественная война. Предлог к написанию – заключение советско-британского соглашения о совместной борьбе с нацистской Германией. Предлагаемый к публикации текст С. И. Архангельского был написан им для «Исторического журнала». Обзор опубликован не был по неизвестным причинам. В статье осмысляется опыт изучения истории Англии и Британии с 1870-х гг. по 1941 год. Автором доказывается тезис, что в России – СССР сформировалась крупная научная школа по изучению английской истории, подобная «Русской школе» изучения прошлого Франции. «Русская школа» изучения Англии была представлена М. М. Ковалевским, П. Г. Виноградовым, Д. М. Петрушевским, А. Н. Савиным, Е. А. Косминским, С. И. Архангельским и В. М. Лавровским. Текст представляет собой и рефлексию С. И. Архангельского о своей роли в постижении истории Англии. Публикация делается по рукописи-автографу статьи С. И. Архангельского в 1941 г. «Роль русских историков в разработке истории Англии». Доказывается, что С. И. Архангельский после 1943 г. вернулся к этой статье, чтобы издать ее под названием «Социальная история Англии в монографиях русских историков». В связи с этим он сократил текст. Однако потом он отказался от этого решения. Вероятно, в 1949 г. С. И. Архангельский отказался от идеи издания текста и положил его в свой домашний архив.

Ключевые слова: история Англии, русские историки, С. И. Архангельский, Великая Отечественная война, «русская школа» изучения Англии, советско-британский союз против нацистской Германии

Благодарности: авторы выражают признательность за ценные советы и помощь при подготовке публикации заведующему Отделом археографии Института славяноведения РАН, кандидату исторических наук Андрею Васильевичу Мельникову.

Для цитирования: Кузнецов А.А., Селиванова О.В. Актуализация отечественной историографии Англии в начале Великой Отечественной войны (к публикации текста С. И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» (август 1941 г.)) // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 153–204. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-153-204>

**Actualization of the Russian historiography of England
at the beginning of the Great Patriotic War (to the publication
of the text by S. I. Arkhangelsky “The role of Russian historians
in the development of the history of England” (August 1941))**

A. A. Kuznetsov, O. V. Selivanova

The article precedes the publication of a large text by the prominent Soviet historian S. I. Arkhangelsky. The text is a review of a personal study of the history of England in Russia in the second half of the 19th – first half of the 20th century. This review was written in August 1941. The Great Patriotic war had been going on for two months. The pretext for writing was the conclusion of the Soviet-British agreement on joint struggle with Nazi Germany. The text of S. I. Arkhangelsky proposed for publication was written for the “Historical Journal”. The review was not published for unknown reasons. The article reflects on the experience of studying the history of England and Britain from the 1870s to 1941. The author proves the thesis that a large scientific school for the study of English history, similar to the “Russian school” for the study of the past of France, was formed in Russia – the USSR. The “Russian school” of studying England was represented by M. M. Kovalevsky, P. G. Vinogradov, D. M. Petrushevsky, A. N. Savin, E. A. Kosminsky, S. I. Arkhangelsky and V. M. Lavrovsky. The text is also a reflection of S. I. Arkhangelsky on his role in understanding the history of England. The publication is based on the autographed manuscript of the article of 1941 “The role of Russian historians in the development of the history of England”. It is proved that S. I. Arkhangelsky returned to this article after 1943 to publish it under the title “Social history of England in monographs of Russian historians”. In this regard, he shortened the text. However, he later abandoned this decision. Probably in 1949, S. I. Arkhangelsky abandoned the idea of publishing the text and put it in his home archive.

Keywords: the history of England, Russian historians, S. I. Arkhangelsky, the Great Patriotic War, the “Russian school” of English studies, the Soviet-British Alliance against Nazi Germany

Acknowledgments: the authors are grateful for the valuable advice and assistance in preparing the publication to the head of the Department of Archeography of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences Andrey Vasilievich Melnikov.

For citation: *Kuznetsov A.A., Selivanova O.V.* Actualization of the Russian historiography of England at the beginning of the Great Patriotic War (to the publication of the text by S. I. Arkhangelsky “The role of Russian historians in the development of the history of England” (August 1941)). *West – East*. 2020, no. 13, pp. 153–204. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-153-204>

Сергей Иванович Архангельский (1882–1958), выпускник историко-филологического факультета Московского университета, в конце 1924 г. перешел в провинциальном Нижнем Новгороде, где только несколькими годами ранее появился первый вуз, где не было соответствующих архивов и книжных собраний, изучать аграрное законодательство Английской революции. В 1938 году он защитил докторскую диссертацию, в 1935 и 1940 гг. издал две монографии по данной проблематике. Одним из существенных внутренних импульсов выбора темы стало желание русского интеллигента понять роль и место революции в истории России. Пережившему 1917 год и бури установления нового строя историку надо было определить значение в истории России. Однако непредвзято изучать в СССР 1920–1930-х гг. этот вопрос было невозможно из-за создания ее канона, отсутствия полноценного источникового комплекса и допуска к этой теме только положительно зарекомендовавших себя в глазах советской власти историков. Была заполнена «русской школой» Н. И. Кареева ниша исследования Великой Французской буржуазной революции. И само по себе это событие XVIII в. было эталоном, по успехам и ошибкам которого «сверяли часы» лидеры революции и Советского государства.

С. И. Архангельский обратил внимание на аграрный аспект Английской революции неслучайно. Ведь именно крестьянский вопрос В. И. Ленин называл «гвоздем Русской революции», и так – через типологию – можно было ее постичь. А у самого С. И. Архангельского до выхода первой публикации по английской истории в 1930 г. вышло 6 статей по истории аграрного движения в Нижегородской губернии.

Подтверждает гипотезу о мотивах выбора темы диссертации и то, что с 1940 г. С. И. Архангельский приступил к изучению внешней политики

«революционной Англии» – по сути революции в международных отношениях, произведенной внешней политикой Оливера Кромвеля. История СССР диктовала С. И. Архангельскому тематику исследований. Параллели с переворотом, вызванным внешней политикой РСФСР – СССР, к концу 1930-х гг. были очевидны: привнесение мощного идеологического фактора, новаторство плеяды дипломатических работников, восстановление утраченных имперских позиций в новых одеждах «экспорта революции» [5]. Последнее должно было вселять уверенность в душу бывшего дворянина и настоящего интеллигента, что революционные события имели смысл.

В своем восприятии советского опыта С. И. Архангельский укрепился с Победой 1945 года. А в 1946 году за англоведческие исследования он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Но до этого были и первые месяцы войны – растерянность из-за отступлений, тревожная неопределенность будущего и прочее. Именно тогда – в июле – августе 1941 г. – Архангельскому было предложено написать для «Исторического журнала» статью об англоведческой научной традиции в России-СССР. Об этом свидетельствуют авторские надписи С. И. Архангельского на листах, предваряющих рукопись-автограф его статьи «Роль русских историков в разработке истории Англии» (то же дело содержит машинописный вариант этого текста «Социальная история Англии в монографиях русских историков»)¹: «Начата 7/VIII окончена 16/VIII 1941 г. и тогда же послана», «Статья С. И. Архангельского для Исторического журнала»² (в предшествующей статье авторов была допущена опечатка в номере дела: ошибочно 285 вместо правильного 235 [7, с. 214]).

И здесь, как кажется, не обошлось без прямой исторической политики. Но сначала об одной исторической случайности: текст С. И. Архангельского был завершен и отправлен в журнал 16.08.1941. В этот же день вышел Приказ Ставки ВГК № 270, который можно считать первым изводом знаменитого Приказа «Ни шагу назад!». «Бывают странные сближенья».

Стремительность написания объемного текста могла быть вызвана властным заказом. 12.07.1941 было заключено советско-британское соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Это событие было очень заметным – после двух лет политико-дипломатического противостояния Кремля и Уайтхолла из-за договора о ненападении 1939 года. Резкий разворот надо было объяснить обществу СССР. Подобное явление было и в 1914–1917 годах. Тогда усилиями английских журналистов Российская империя сменила сложившийся имидж дикого соперника на образ

¹ Архив Российской академии наук. Ф. 1530. Оп. 1. Личный фонд С. И. Архангельского. Д. 235. Л. 1–72; 73–126.

² Там же. Д. 235. Л. 1, 3.

цивилизированной страны [1]. А С. И. Архангельский, будучи сотрудником Нижегородской архивной комиссии, мог слушать на ее совместном с Городской думой заседании речь А. А. Кизеветтера 08.05.1916, доказывавшего историко-культурное единство Антанты схожестью опытов: народ в лице Жанны д'Арк, короля Альфреда Великого, Кузьмы Минина спасал свои страны от завоевания [10].

Подобное происходило в СССР 1941 г., и С. И. Архангельскому могли предложить подготовить статью. Косвенно об этом может свидетельствовать название, фигурирующее на рукописи – с акцентом на *роль русских ученых* в постижении Англии. Этот текст не был издан, но в № 10/11 за 1941 г. «Исторический журнал» опубликовал статью Е. А. Косминского «Роль русских историков в разработке истории Англии» [2]. Публикация – с идентичным названием – коллеги и единомышленника С. И. Архангельского подтверждает тезис о своеобразном политическом заказе.

Труд С. И. Архангельского (1,75 п.л.) состоит из 8 глав. Глава I содержит материал об условиях возникновения в России и поддержания в СССР интереса к «британике». Главы II–VIII посвящены И. П. Сокальскому и М. М. Ковалевскому, П. Г. Виноградову, Д. М. Петрушевскому, А. Н. Савину, Е. А. Косминскому, С. И. Архангельскому, В. М. Лавровскому соответственно. Авторский прием – представление отечественных историков через монографии (эту особенность сам автор, наверное, позже понял и попытался отразить в названии уже второго варианта текста, заменив в его названии «Социальная история Англии в работах русских историков» первоначальное слово «работах» на «монографиях»). Видимо, для С. И. Архангельского полноценное движение науки определялось фундаментальными томами, а статьи и публикации были подготовительным этапом. Именно поэтому время до 1870-х гг., когда, по мнению С. И. Архангельского, проявилась англоведческая традиция, было периодом складывания условий для нее – в виде переводов и первых небольших работ.

Еще одним способом ограничения обширного материала стала преемственность творцов англоведческой традиции: лекции И. П. Сокальского «... слушал М. М. Ковалевский» – П. Г. Виноградов стал «достойным продолжателем» М. М. Ковалевского – «Оба вначале ... состояли профессорами Московского университета...» – «Виноградов... стал крупнейшим специалистом... по истории раннего английского феодализма. Разработку вопросов, связанных с историей английского феодализма на более поздней стадии его развития... вел Д. М. Петрушевский, бывший профессор Московского университета» – «Как и Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин принадлежал к школе историков, воспитанных П. Г. Виноградовым» – ученики А. Н. Савина продолжили «изучение социальной истории Англии», начатое М. М. Ковалевским и П. Г. Виноградовым; «...остановимся на монографии

Ев. Ал. Косминского..., которая... близка к тем вопросам социальной истории Англии, которыми занимались П. Г. Виноградов и Дм. М. Петрушевский» – «Да и вся аграрная история Англии XVII века сравнительно мало привлекала к себе внимание... Все это побуждало С. И. Архангельского поставить основной задачей начатого исследования выяснение тех перемен, которые внесла английская революция в землевладение» – «Это “Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII – начала XIX века”». Ее автор – ученик А. Н. Савина Вл. М. Лавровский».

Эта «поколенная роспись» скрепляется и связью каждого из указанных историков с Московским университетом. Так под пером С. И. Архангельского рождалась «школа англоведческих исследований» с ее идейной неразрывностью, родовой преемственностью через Московский университет. Обоснован вывод: «...русские историки, посвятившие труды социальной истории Англии, дали связную цепь исследований... В изучении французской революции, по преимуществу аграрного вопроса, существует русская школа (*école russe*), представленная именами Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, Ив. В. Лучицкого, Е. В. Тарле, Е. Н. Петрова...; не меньше оснований говорить и о русской школе в изучении социальной истории Англии». Важным аргументом в пользу этого заключения были сквозные замечания С. И. Архангельского о том, что новаторские достижения российских историков были не под силу их британским коллегам.

Увы, обоснование С. И. Архангельским термина «русская школа» в англоведении не было обнаружено. Заявление о «русской школе» англоведения, увидев свет текст С. И. Архангельского даже в 1950–1970-е гг., могло бы стать этапом движения к подобному выводу: «русская историческая школа» – цельное системное научное сообщество, стоящее на схожих методологических и идеологических позициях, исследующее проблемы всемирной истории для поиска эффективного и приемлемого для России исторического опыта [9, с. 292] – без разделения на страноведческие составляющие. Да, С. И. Архангельский развел франко- и англоведение, но после выявления в 1941 г. «французской» и «английской» школ началось бы их сравнение и обнаружение общих черт, контактов, влияний. Неслучайно у С. И. Архангельского М. М. Ковалевский фигурирует в обеих «школах». А в строках С. И. Архангельского о продолжении им савиновских штудий повторяется фраза из письма Н. И. Кареева ему [7, с. 216]. Н. И. Кареев же в 1924 г. ответил на вопрос С. И. Архангельского о перспективности изучения им аграрного законодательства Английской революции¹, а в 1927–1929 гг. читал «английские» тексты С. И. Архангельского, консультировал его [5].

¹ Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-6299. Оп. 1. Личный фонд С. И. Архангельского. Д. 183. Л. 1–1 об.

В цитате о единой «русской школе» значима мысль о том, что изучение всеобщей истории проводилось российскими историками для поиска нужного их стране исторического опыта. Этот мотив двигал героями текста С. И. Архангельского. Характерно их распределение по партийной симпатии: П. Г. Виноградов сочувствовал и кадетам, и октябристам; М. М. Ковалевский – один из основателей партии прогрессистов; Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин и С. И. Архангельский разделяли программу кадетов. И сам С. И. Архангельский отметил, что в дореволюционной России «интерес к Англии был проявлением своеобразного либерализма».

Личностное начало придает научной статье С. И. Архангельского творческий характер и раздвигает ее академические рамки. Он оставляет «за скобками» то, что непосредственным учителем П. Г. Виноградова был В. И. Герье, Д. М. Петрушевского – И. В. Лучицкий, а сам он студентом занимался у Р. Ю. Виппера историей Флоренции. Ему важнее то, что тот или иной ученый состоялся в историографии Англии под влиянием предшественника, что так выстроенная преемственность покрывает изучение истории Англии от XI в. до XIX века. И тут С. И. Архангельский предвосхитил дискуссии о школообразующих факторах начала XXI в. – связка «учитель – ученик» или общие проблематика, идейно-методологические подходы. И С. И. Архангельский явил себя сторонником второго, новаторского для своего времени, подхода, позволяющего чувствовать духовные и интеллектуальные сопряженности всех поколений историков. А в этом кроется посыл к грядущему выводу о цельности «русской школы» и определяется личное отношение С. И. Архангельского к историографии и предшественникам. Это «диалоговая» историография, не в узком жанре (рецензии, отзывы), не с прицелом на обобщающий труд, подобно компендиумам Н. Л. Рубинштейна или О. Л. Вайнштейна. С. И. Архангельский, изучая тексты и научный вклад историков, исследует сюжеты, позволяющие ему определить свое место в научной генеалогии, осмыслить значение своих штудий в потоке исторической традиции, воздать благодарность учителям и ученым, влияние которых он испытал [6, с. 180].

С. И. Архангельский многих героев своей статьи знал лично. Лекции П. Г. Виноградова, Д. М. Петрушевского он слушал, с Д. М. Петрушевским переписывался с 1926 г. до лета 1942 г., с Е. А. Косминским, В. М. Лавровским общался и переписывался с 1920-х годов. Лекции А. Н. Савина С. И. Архангельский посещал и работал с его рукописями, что и отметил в обзоре.

Эти обстоятельства позволяют отнести статью и к документам личного происхождения [7, с. 216–217]. Острая ситуация начала войны, неопределенность будущего для пожилого ученого, приближавшегося к 60-летнему рубежу, обострили его рефлексию по поводу своего места в большой научной и культурной традиции, в постижении революции

и истории своей страны. Такое настроение первого года войны выразила коллега С. И. Архангельского И. И. Любименко в письме из Ленинграда (13.03.1942): «Настроение у меня не плохое..., а кто знает, мож[ет] б[ыть] Вам придется писать мой некролог!» [8, с. 24]. Конечно, блокадный Ленинград не сравнить с Горьким начала войны, но война вынуждала подводить итоги. Итоги собственного научного пути и соотнесения прошлого своей Родины с историей Англии... Раздумья же определили историко-антропологический характер историографического нарратива, что не вписывалось в классические рамки советского научного текста.

Художественно-культурная ипостась статьи С. И. Архангельского обусловила ее академические недостатки. Они заметны при сравнении со статьей Е. А. Косминского. Тот представил англоведческую традицию более широким потоком, идущим со времен Екатерины II, охватывающим и петербургские (ленинградские) штудии, монографии и статьи, культурный интерес русских литераторов, журналистов и революционных демократов.

Е. А. Косминский обозначил и демаркационную линию: *«Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед исторической наукой в СССР новые задачи. Перед советскими историками стала во весь рост задача пересмотра всего наследия буржуазно-исторической науки с позиций марксизма-ленинизма и организации дальнейшей исследовательской работы в тех направлениях, которые диктовались задачами пролетарской революции»* [2, с. 96]. А для С. И. Архангельского Революция 1917 г., исторический материализм – лишь факторы, среди прочих влияющих на почти герменевтическое развитие российской традиции англоведения: *«М. М. Ковалевский слишком близко стоял к Карлу Марксу, чтобы не заметить своекорыстные элементы в господстве помещичьего класса»*; В. М. Лавровский использовал «ленинское деление» крестьянства; и главное: *«... за время от 70 г. XIX до 40 г. XX века сменилось три философско-исторических направления: позитивизм, риккерттианство, исторический материализм. Но эта смена не помешала преемственности в темах разработки социальной истории Англии и... одно поколение историков продолжало работу другого»*; затертые общеизвестные положения: *«когда произошла Октябрьская социалистическая революция, когда утвердилась советская власть, интерес к истории Англии сохранился, но факты английского прошлого стали открываться исследователю их с неизвестной дотоле стороны, стали говорить с ним на другом языке»*; *«общее, что в себе заключают новейшие русские монографии по истории Англии, вышедшие в свет в период 1922–1941 гг.... – ... в центре внимания современных историков стоит проблема зарождения и развития английского капитализма и связанная с этим судьба английского крестьянства и рабочего класса»*.

Эта статья, посланная в августе 1941 г. из Горького в Москву, наверное, затерялась в военной суматохе почтовых отправок, спешке эвакуации. И Е. А. Косминский, не дождавшись ее, вероятно, был вынужден написать свой вариант для «Исторического журнала».

Археографическая гипотеза

В 1941 году после предложения написать статью С. И. Архангельский быстро сделал общий черновой вариант. Очевидно, несколько его фрагментов читаются на оборотах некоторых листов рукописи статьи¹. Они по смыслу совпадают и текстуально близки отдельным частям рукописного и машинописного вариантов. Готовя окончательный вариант обзора «Роль русских историков в разработке истории Англии», С. И. Архангельский для рукописи использовал листы бумаги, на одной стороне которых уже имелись записи (учебные материалы, выписки, тексты предыдущих статей); несколько листов напечатаны на машинке. Это обстоятельство можно объяснить дефицитом бумаги летом 1941 г. – начало войны и, кроме того, отпуска.

После создания предполагаемого чернового текста С. И. Архангельский на его основе быстро написал статью с четкой структурой, со ссылками на страницы книг историков... Эта статья явлена в рукописном варианте². В него С. И. Архангельский вносил поправки – стилистические, логическо-смысловые, уточняющие... Эта корректировка производилась, когда готовился машинописный вариант для быстрой отправки в Москву. Наверное, он печатался с диктовки С. И. Архангельского, с ходу замечавшего и устранявшего неточности. Напечатанный вариант был послан в «Исторический журнал» и ныне его надо считать утерянным. Возможно, его отдельные листы попали в рукопись, поскольку оказались по каким-то причинам негодными для отправки в «Исторический журнал». И автор заменил ими соответствующие рукописные.

Статья не была опубликована. Позже автор вернулся к ней. И появилась машинопись, отложившаяся наряду с автографом в фонде С. И. Архангельского³. Очевидно, она печаталась неспециалистом, допустившим многочисленные ошибки в передаче имен британских историков, пропуски в связи с названиями зарубежных работ, путаницу, например, между копигольдом и копигольдером. С. И. Архангельский собственноручно внес ряд исправлений и заполнил многие лакуны, но часть ошибочного набора так и не была выверена. Возможно, историк отложил это на потом, но не вернулся более

¹ Архив Российской академии наук. Ф. 1530. Оп. 1. Личный фонд С.И. Архангельского. Д. 235. Л. 64-об., 66-об., 67-об., 68-об.

² Там же. Д. 235. Л. 1–72.

³ Там же. Д. 235. Л. 73–126.

к тексту. В машинописном варианте нет указаний страниц в скобках применительно к цитатам и упоминаниям той или иной монографии, как в рукописи. Был исключен фрагмент рукописного текста, содержащий информацию о В. М. Лавровском, – первый пространный абзац VIII части (главы). В этом фрагменте аннотировались статьи В. М. Лавровского, предшествующие выходу его книги. С. И. Архангельский мог исключить его, когда изменил название текста в машинописи – «Социальная история Англии в работах русских историков». Но предварительно С. И. Архангельский внес в рукопись лист, где чернилами, отличными от рукописи, было написано новое название и указано, что статья для «Исторического журнала»¹. В машинописном варианте в предложении про Д. М. Петрушевского («...бывший профессор Московского университета, ныне академик») слово «ныне» чернилами исправил на «позднее»². Это указывает на то, что правил машинопись С. И. Архангельский не раньше 1943 г. (Д. М. Петрушевский умер 12.12.1942).

Объяснить эти факты можно так. Автор убедился в том, что публикация не состоялась, но вышла статья коллеги Е. А. Косминского под омонимичным названием. Поэтому С. И. Архангельский решил довести дело до конца и издать самостоятельный текст. Под прежним названием это сделать было нельзя. Проанализировав свой труд, С. И. Архангельский, исключил оттуда лист, где давался анализ статей В. М. Лавровского, и дал другой заголовок – «Социальная история Англии в работах русских историков» и, вероятно, отдал его машинистке. Получив машинопись, он, просмотрев текст еще раз, уточнил его название на титульном листе, заменив «работы» на «монографии» – «Социальная история Англии в монографиях русских историков». На том же титульном листе машинописи значилось «С Т А Т Ь Я С. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО для Исторического журнала»³. Все это было сделано в период 1943 г. (смерть Д. М. Петрушевского в конце 1942 г.) – сентябрь 1945 г. («Исторический журнал» стал журналом «Вопросы истории»). Советско-британское военно-политическое сотрудничество было в разгаре, и статья С. И. Архангельского соответствовала моменту. Однако автор по неизвестным причинам отказался от замысла: не завершил корректировку ошибок и опечаток набора, не внес справочный аппарат.

Не доведенный до завершения машинописный вариант хранится в фонде С. И. Архангельского вложенным в газету «Правда» от 05.09.1949 (№ 248). На ней с внешней стороны рукой С. И. Архангельского приписано «История

¹ Архив Российской академии наук. Ф. 1530. Оп. 1. Личный фонд С.И. Архангельского. Д. 235. Л. 2.

² Там же. Д. 235. Л. 91.

³ Там же. Д. 235. Л. 72.

Англии в работах русских и советских ученых». Это – уже третье название его обзора (но заголовки рукописного и машинописного вариантов были сохранены). Объяснить это можно тем, что С. И. Архангельский сделал все это во время своеобразного приведения в порядок своего архива. И подтолкнуть его могло к этому ухудшение здоровья. Как раз в 1949 г. у него начались серьезные проблемы с сердцем, и в письме от 16.05.1949 И. И. Любименко писала С. И. Архангельскому: «Если Ваше заболевание совпало с ... научными переживаниями, то оно может быть нервного характера; если же есть что-либо органическое, то хороши Эссендуки... Относительно нападок на Вас старайтесь относиться философски; тут ведь, увы, много личного, зависти к успехам, к большому числу работ»¹. В письме от 30.05.1949 И. И. Любименко повторила эту мысль². Причиной стремительного ухудшения самочувствия С. И. Архангельского стали необоснованные нападки и обвинения в космополитизме, пик которых пришелся на 22.04.1949 [3]. Если это предположение верно, то С. И. Архангельский в сентябре 1949 г. или чуть позже, разбирая свои бумаги, навсегда вернул в газету оба варианта текста с их сохраненными названиями, надписав еще одно на газете.

Изначальный текст статьи 1941 г. сохранился в рукописи. Его С. И. Архангельский отдал для публикации в «Историческом журнале» под названием «Роль русских историков в разработке истории Англии». Машинопись же представляет собой готовившийся, но незавершенный, для печати вариант с заглавием «Социальная история Англии в монографиях русских историков», поэтому рукописный вариант статьи С. И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии», которую он отправил для издания в «Историческом журнале» в августе, отражает его авторскую волю. Это обстоятельство положено в основу данной публикации. Лист, находившийся в рукописи между листами 3 и 4 архивной пагинации, утерян, и при публикации восполнен соответствующим текстом из статьи «Социальная история Англии в монографиях русских историков»³. Статья С. И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» публикуется по рукописи с согласованием разночтений смыслового характера с текстом «Социальная история Англии...» (машинописный вариант) – указаны в публикации. Пунктуация автора и порядок написания терминов, английских имен и названий, принятых в 1941 г., сохранены.

¹ Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-6299. Оп. 1. Личный фонд С. И. Архангельского. Д. 215. Л. 66–66 об.

² Там же. Д. 215. Л. 67.

³ Архив Российской академии наук. Ф. 1530. Оп. 1. Личный фонд С.И. Архангельского. Д. 235. Л. 73–74).

***

Данная публикация – второй подступ к введению в научный и культурный оборот замечательного текста С. И. Архангельского. При первой попытке [11; 12] за основу был взят машинописный вариант. Он был создан позже 1943 г., сокращен по сравнению со статьей, отправленной С. И. Архангельским для публикации в 1941 г., «избавлен» от справочного аппарата, имеет ряд невыправленных С. И. Архангельским ошибок, разночтений и неточностей и не был доведен до уровня полноценной академической публикации. При издании машинописного текста произвольно, без обоснования было изменено его название – «История Англии в работах русских и советских ученых» (использованы название архивного дела и рукописный заголовок на газете «Правда»). Данные обстоятельства также обуславливают опубликовать именно полную статью (а не ее незавершенный вариант) С. И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» по рукописи, содержащей текст, который ученый хотел издать в грозном 1941 году.

Список литературы

1. Зашихин А. Лев + медведь. За кого сражались англичане, когда сражались за русского царя // Родина. 1993. № 8–9. С. 124–126.
2. Косминский Е.А. Роль русских историков в разработке истории Англии // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 89–99.
3. Кузнецов А.А. «Ошибки космополитического порядка налицо...»: к истории одной идеологической кампании в г. Горьком // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2. Н.-Новгород, 2011. С. 70–91.
4. Кузнецов А.А. Письма Н. И. Кареева С. И. Архангельскому // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2017. Вып. 58. С. 88–104. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28863636> (дата обращения: 06.06.2020).
5. Кузнецов А.А. Преломление политической истории первой половины XX в. в научном творчестве С. И. Архангельского // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. Т. 1. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2020. С. 218–223.
6. Кузнецов А.А., Селиванова О.В. «Вы были и остаетесь неутомимым работником нашей советской исторической науки» (комментарии к переписке историков С. И. Архангельского и И.Н. Бороздина) // Ученые записка Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. Книга 2–3. С. 170–187. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41438367> (дата обращения: 6.06.2020). DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.2-3.170-187>
7. Кузнецов А.А., Селиванова О.В. Неопубликованный текст С.И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» («Социальная история Англии в работах русских историков»): историографический труд и эго-документ // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. Т. 1. Казань : Изд-во Казанского университета, 2020. Т. 1. С. 213–218.

8. Кузнецов А.А. Блокада Ленинграда в коммуникативных связях историка С. И. Архангельского. Приложение: Письмо И. И. Любименко С. И. Архангельскому от 13.03.1942 // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 23–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35214196> (дата обращения: 6.06.2020).

9. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань : Изд-во Казанского университета, 2000. 298 с.

10. Речь профессора А. А. Кизеветтера на совместном заседании Городской Думы Нижнего Новгорода и архивной комиссии в память 300-летия со дня смерти Минина 8 мая 1916 г. // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П. П. Ляпунова. Рязань, 2011. С. 274–278. (перепубликовано: Мининские чтения: сб. научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород, 2011. С. 11–17).

11. Федосеева К.В. «Русская школа» социальной истории Англии (сравнение взглядов С. И. Архангельского и Е. А. Косминского на роль русских и советских историков в разработке истории Англии) // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2 ч. Томск, 2019. С. 397–403. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42318702> (дата обращения: 6.06.2020).

12. Федосеева К.В. С. И. Архангельский «История Англии в работах русских и советских ученых» 1941 г.: публикация и комментарий // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза, 2019. С. 183–205. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41358936> (дата обращения: 6.06.2020).

Статья поступила в редакцию 11.07.2020;
одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 14.08.2020.

Об авторах

Кузнецов Андрей Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3914-301X>, nalbuz@mail.ru

Селиванова Ольга Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Отдела комплектования личными фондами ученых и их научного описания Архива Российской академии наук, Российская Федерация, г. Москва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9158-5259>, olya84@list.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Zashikhin A. Lev + medved'. Za kogo srazhalis' anglichane, kogda srazhalis' za russkogo tsarya [Lion + Bear. Who did the British fight for when they fought for the Russian Tsar]. *Rodina* = Rodina, 1993, no. 8–9, pp. 124–126. (In Russ.).

2. Kosminsky E.A. Rol' russkikh istorikov v razrabotke istorii Anglii [The role of Russian historians in the development of the history of England]. *Istoricheskii zhurnal* = Historical journal, 1941, no. 10–11, pp. 89–99. (In Russ.).

3. Kuznetsov A.A. «Oshibki kosmopoliticheskogo poryadka nalitso...»: k istorii odnoi ideologicheskoi kampanii v g. Gor'kom [“Mistakes of the cosmopolitan order are obvious...”: on the history of one ideological campaign in Gorky]. *Al'manakh po istorii Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* = Almanac on the history of the Middle Ages and early Modern Times, issue 2, N.-Novgorod, 2011, pp. 70–91. (In Russ.).

4. Kuznetsov A.A. Pis'ma N.I. Kareeva S.I. Arkhangel'skomu [N. I. Kareev's letters to S. I. Arkhangel'sky]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii* = Dialog with Time. Almanac of intellectual history, 2017, issue 58, pp. 88–104. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28863636> (accessed 06.06.2020). (In Russ.).

5. Kuznetsov A.A. Prelomlenie politicheskoi istorii pervoi poloviny XX v. v nauchnom tvorchestve S.I. Arkhangel'skogo [Refraction of the political history of the first half of the XX century in the scientific work of S. I. Arkhangel'sky]. *Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: sbornik statei i soobshchenii* = Universal history and historical science in the XX – early XXI century: collection of articles and reports, in 2 vol., vol. 1, Kazan: Publ. house of Kazan University, 2020, pp. 218–223. (In Russ.).

6. Kuznetsov A.A., Selivanova O.V. «Vy byli i ostaetes' neutomimym rabotnikom nashei sovetskoj istoricheskoi nauki» (kommentarii k perepiske istorikov S.I. Arkhangel'skogo i I.N. Borozdina) [“You have always been and still remain an indefatigable servant of the soviet historical science” (commentaries on S.I. Arkhangel'sky and I.N. Borozdin's letters to each other)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* = Proceedings of Kazan University. Humanities Series, 2019, vol. 161, book 2–3, pp. 170–187. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41438367> (accessed 06.06.2020). (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.2-3.170-187>

7. Kuznetsov A.A., Selivanova O.V. Neopublikovannyi tekst S.I. Arkhange'skogo «Rol' russkikh istorikov v razrabotke istorii Anglii» («Sotsial'naya istoriya Anglii v rabotakh russkikh istorikov»): istoriograficheskii trud i ego-dokument [Unpublished text of S. I. Arkhangel'sky “The role of Russian historians in the development of the history of England” (“Social history of England in the works of Russian historians”) historiographical work and ego-document]. *Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: sbornik statei i soobshchenii: v 2 t.* = Universal history and historical science in the XX–early XXI century: collection of articles and messages: in 2 vol., Kazan : Publ. house of Kazan University, 2020, vol. 1, pp. 213–218. (In Russ.).

8. Blokada Leningrada v kommunikativnykh svyazyakh istorika S.I. Arkhangel'skogo. Prilozhenie: Pis'mo I.I. Lyubimenko S.I. Arkhangel'skomu ot 13.03.1942 [The blockade of Leningrad in the communicative ties of the historian S.I. Arkhangel'sky. Attachment: Letter of I.I. Lyubimenko to S.I. Arkhangel'sky from 13.03.1942]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 2018, no. 3, pp. 23–24. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35214196> (accessed 6.06.2020). (In Russ.).

9. Myagkov G.P. Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoi nauke: opyt «russkoi istoricheskoi shkoly» [Scientific community in historical science: experience of the “Russian historical school”]. Kazan, Publ. house of Kazan University, 2000, 298 p.

10. Rech' professora A.A. Kizevettera na sovместnom zasedanii Gorodskoi Dumy Nizhnego Novgoroda i arkhivnoi komissii v pamyat' 300-letiya so dnya smerti Minina 8 maya 1916 g.

[Speech of Professor A.A. Kizeveter at a joint meeting of the City Duma of Nizhny Novgorod and the Archive Commission in memory of the 300th anniversary of Minin's death on May 8, 1916]. *Smutnoe vremya i zemskie opolcheniya v nachale XVII veka. K 400-letiyu sozdaniya Pervogo opolcheniya pod predvoditel'stvom P.P. Lyapunova* = Time of Troubles and Zemstvo militias in the early XVII century. To the 400th anniversary of the creation of the first militia under the leadership of P.P. Lyapunov, Ryazan, 2011, pp. 274–278 (republished: Minin readings. Collection of scientific papers on the history of Eastern Europe in the XI–XVII centuries, Nizhny Novgorod, 2011, pp. 11–17).

11. Fedoseeva K.V. «Russkaya shkola» sotsial'noi istorii Anglii (sravnenie vzglyadov S.I. Arkhangel'skogo i E.A. Kosmin'skogo na rol' russkikh i sovetskikh istorikov v razrabotke istorii Anglii) [Russian school of social history of England (comparison of views of S. I. Arkhangel'sky and E. A. Kosmin'sky on the role of Russian and Soviet historians in the development of the history of England)]. *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogilnitskogo). Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. V 2 chastyakh* = Historian's creative laboratory: horizons of the possible (to the 90th anniversary of the birth of B.G. Mogilnitsky). Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. In 2 parts, Tomsk, 2019, pp. 397–403. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42318702> (accessed 06.06.2020). (In Russ.).

12. Fedoseeva K.V. S. I. Arkhangel'sky «Istoriya Anglii v rabotakh russkikh i sovetskikh uchenykh» 1941 g.: publikatsiya i kommentarii [S. I. Arkhangel'sky's "History of England in the works of Russian and Soviet scientists" 1941: publication and commentary]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statei IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch* = Modern scientific research: current issues, achievements and innovations. Collection of articles of the IX International scientific and practical conference: in 2 parts, Penza, 2019, pp. 183–205. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41358936> (accessed 06.06.2020). (In Russ.).

The article was submitted 11.07.2020;
approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 14.08.2020.

About the authors

Andrey A. Kuznetsov

Dr. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship of the Institute of Economics and Entrepreneurship of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhni Novgorod, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3914-301X>, nalbuz@mail.ru

Olga V. Selivanova

Ph. D. (History), Senior Research Fellow, Head of the Department of Acquisition of Scientists' Personal Archival Funds and Their Scientific Description, ARAS, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9158-5259>, olya84@list.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

* * *

Роль русских историков в разработке истории Англии

Начата 7/VIII окончена 16/VIII 1941 г. и тогда же послана

Социальная история Англии работах русских историковстатья С.И. Архангельского для Исторического журналаⁱ

I

Интерес к истории Англии в русском обществе до начала 70-х годов XIX века удовлетворялся изданием переводных работ, таких как Огюстена Тьерри¹ «История завоевания Англии норманнами» (1859 г.), Гизо² «История английской революции» (1860 г.), Маколея³ «История Англии от восшествия на престол Якова II» (1864 г.), Карреля⁴ «История контрреволюции в Англии при Карле II и Якове II» (1866 г.), Луи Блана⁵ «Письма об Англии». В 70-е годы выходят в свет на русском языке Бокль⁶ «История цивилизации в Англии» и Генрих Мэн⁷ «Общины востока и запада». В наших толстых журналах за тот же период помещались статьи о внешней и социальнойⁱⁱ политике Англии, о восстании сипаев в Индии, о движении фениев в Ирландии. Оригинальных работ по истории Англии почти не появлялось. Такие произведения как «Англия в XVIII веке» (публичная лекция Вызинского⁸ в 1860 году), «Личность и характер Оливера Кромвеля» Осокина⁹ (1868 г.), «Генерал Монк» (пробная лекция Лучицкого¹⁰ в 1870 г.) были редкостью.

Между тем в столичных и провинциальных университетах уже существовали кафедры всеобщей истории, и разработка вопросов по истории Англии входила в их прямую задачу. История Англии стала все более привлекать к себе всеобщих историков *своеобразным строем своих социальных порядков и политических учреждений, отличавшихся от стран континента, наличием хорошо сохранившихся богатейших архивов, какими не располагают другие государства, возможностью сравнить и дополнить выводы, полученные из изучения прошлого других стран, на основании реконструкции английского прошлого. Помимо этих теоретико-познавательных интересов, родившихся в эпоху господства позитивизма и увлечения новой наукой об обществе, социологией, здесь действовали и другие мотивы.*

Историка, жившего в стране, только что освободившейся от крепостного труда, но сохранившей обособленное положение крестьянства и земельную общину, интересовали английские социальные отношения, как более прогрессивная, но уже готовая форма жизни. Резкий контраст

ⁱ Эти две строки написаны С. И. Архангельским на отдельном листе чернилами, отличными по цвету от тех, какие были использованы в рукописи.

ⁱⁱ В машинописи вместо «социальной» стоит «национальной».

между русским самодержавно-бюрократическим строем и английской парламентарной монархией, между узаконенным произволом и господством права также привлекал к себе внимание не только историков, но и всех противников самодержавия в России. Интерес к Англии был проявлением своеобразного либерализма. «Русские либералы и отчасти консерваторы давно уже, с 60 годов XIX века», – говорил П.Г. Виноградов¹¹, «стали интересоваться Англией, знакомиться с ее государственным строем и парламентской жизнью»ⁱⁱⁱ.

Позднее, когда произошла Октябрьская социалистическая революция, когда утвердилась советская власть, интерес к истории Англии сохранился, но факты английского прошлого стали открываться исследователю их с неизвестной дотоле стороны, стали говорить с ним на другом языке. «Зрелище прошлого осталось то же, но зритель стал другим, и он занимал другое место». Эти слова Гизо всегда невольно приходят на память, когда констатируешь крупные сдвиги в историографии.

Если мы попытаемся определить то общее, что в себе заключают новейшие русские монографии по истории Англии, вышедшие в свет в период 1922–1941 гг., то едва ли будет натяжкой сказать, что в центре внимания современных историков стоит проблема зарождения и развития английского капитализма и связанная с этим судьба английского крестьянства и рабочего класса. Эта проблема составляет общий внутренний стержень, объединяющий монографии и исследовательские статьи, сюжеты которых взяты из различных эпох английской истории от XIII до XIX века^{iv}.

Вместе с этим надо отметить, что работы объединяет не только общность историко-философского построения и метода, но и более повышенные требования к самой обработке привлекаемых источников. Дело в том, что социальная история Англии перестала представляться современным исследователям однородным процессом. Появился запрос на предварительные локальные изыскания. Их результаты вели к тому, что к общим выводам стали подходить более осторожно, с большим количеством оговорок. Эта черта новых исследований по истории Англии особенно хорошо выступает в монографии «Английская деревня XIII века» Е.А. Косминского¹².

ⁱⁱⁱ Поскольку второй лист из автографа был утерян еще при передаче фонда С. И. Архангельского (либо еще раньше), то здесь он приводится по машинописному варианту (л. 74, 74) и выделен курсивом.

^{iv} Обнаружен фрагмент из первого чернового варианта статьи на обороте листа: *«вместе с тем, как изменился сам изучающий в связи с новыми задачами социалистического общества [зачеркнуто – строительства] так изменился и самый интерес к истории Англии: в центре внимания стала проблема зарождения и развития английского капитализма и связанная с капитализмом судьба английского крестьянства и рабочего класса. Поввысилась требовательность к методологической стороне исследования. Социальная история».*

Социальная история Англии становится все более и более конкретной, облекается плотью и кровью и все более отходит от того социологизирования, которое выступало особенно ярко в работах М.М. Ковалевского¹³ и отчасти даже у П.Г. Виноградова, этих подлинных основоположников изучения истории Англии у нас.

II

Первая монография по истории Англии появилась в России^v в свет в 1872 году. Это была небольшая книжка, докторская диссертация на тему «Англо-саксонская сельская община», изданная в количестве 300 экземпляров. Ее автором был Ив.П. Сокальский¹⁴, профессор Харьковского университета по кафедре политической экономии, прочитавший первым в России курс истории экономических школ в 1858–1859 году. Его лекции слушал М.М. Ковалевский, впоследствии он дал о них положительный отзыв. Что побудило Сокальского написать специальную работу об англо-саксонской общине? По этому вопросу Сокальский говорил: «Первые начала судеб англосаксов имеют много общего с нашими судьбами. Сходные черты могут служить объяснениями нашего прошлого, а отчасти и того, на какой почве мы стоим, куда идем». С другой стороны Ив. П. Сокальского интересовал аграрный кризис, переживаемый тогда Англией, борьба между либеральным и радикальным течением в аграрном вопросе, между Кобденовским клубом¹⁵ и Лигой земли и труда¹⁶, которая стремилась восстановить общинное владение землей. Сокальский считал, что общинное землевладение может быть выходом из положения для Англии. Его интересовала первобытная англосаксонская община, свободно существовавшая до норманнского завоевания, положившего начало для феодализма; его интересовало разрушение общины в XVI–XVII веках и его гибель в XVIII веке. В диссертации Сокальского уже ясно звучал тот лейтмотив, который мы встретили в русских работах по истории Англии в 80 и 90 годы XIX века и в первой половине XX века вплоть до наших дней. Русские историки по преимуществу разрабатывали аграрную историю Англии, останавливались на исторических судьбах английского крестьянства, на взаимных отношениях манориального и общинного начал.

Эта черта выступает у такого крупного исследователя и большого знатока социальной и политической истории Англии, каким являлся М.М. Ковалевский. «Это был один из первых русских ученых, узнавших Великобританию, как она есть, в великом разнообразии ее общественных течений и типов. Он изучал реальную, а не книжную Англию»^{vi}. Характеризуя

^v В машинописи исправлено «у нас» на «в России».

^{vi} Вписано карандашом «Речь Виноградова». Из сборника: М.М. Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин // Сборник статей. Петроград: Артист. заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917 (обл. 1918). 274 с.

М.М. Ковалевского, П.Г. Виноградов между прочим отметил, что М.М. Ковалевский, подобно англичанам, несколько враждебно относился к той цеховой организации университетских знаний, которая выработалась в Германии. У него самого была резко выражена склонность к самостоятельным исследованиям вне установленных рамок, чувствовалась смелая инициатива и способность к широким обобщениям. Никаких признаков работы ремесленного характера у него не было видно. Обе его диссертации, магистерская и докторская, были посвящены темам английской истории средних веков. Слушая в Париже лекции Гнейста¹⁷ по истории английских политических учреждений, он не мог согласиться с той обрисовкой местного английского самоуправления, которую ему давал Гнейст. Гнейст оттолкнул М.М. Ковалевского тем, что он гнул английские порядки, чтобы подвести их под прусские образцы: что он, слабо зная английские источники, был схематичен. « У него король и чиновники», писал М.М. Ковалевский, – «какие-то бесплотные бесстрастные существа»(32).

Он не мог согласиться с тем, что земельная аристократия –необходимое условие для существования самоуправления (self government).

М. М. Ковалевский слишком близко стоял к Карлу Марксу, чтобы не заметить своекорыстные элементы в господстве помещичьего класса (Виноградов)^{vii} и чтобы согласиться с Гнейстом, что в органах самоуправления политика лендлордов подчиняется интересам государства. Первая диссертация М.М. Ковалевского была названа «О полицейской администрации (полиции безопасности) и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III». Прага, 1877 г. Для этой работы М.М. Ковалевский использовал протоколы вотчинных судов XIII и XIV века и пришел к выводу, что полицейское самоуправление в Англии в существенных чертах уже сложилось к концу XIV века и в нем главная роль была в руках тех землевладельческих классов, которые решили исход борьбы за Великую хартию вольностей¹⁸.

Слияние в один народ англосаксов и норманнов, наступившее не ранее конца XII века, кладет начало перенесению отдельных административных функций с назначенных провинциальных управителей на вновь созданные должности, к замещению которых призваны местные дворяне – это коронеры, констебли, хранители мира (*conservatores pacis*), будущие мировые судьи XIV века. К их обязанностям присоединяется право суда по всем раскрываемым ими проступкам. Они действовали коллегиально на малых и на так называемых четвертных сессиях с середины XIV века. Изучение английского местного самоуправления усилило интерес М.М. Ковалевского

---

^{vii} Вставка карандашом.

к английской конституции, и он высоко оценил работу Стеббса¹⁹, «Конституционная история Англии», который, по его словам, является критиком Гнейста и очищает исторические факты от того искажения, которому они подвергались в сочинении прусского историка. «Я с тем большим интересом прочел изложение профессором Стеббсом средневековых судеб английского самоуправления, что нашел в нем решительное подтверждение тех взглядов, которые на этот счет были высказаны мной за год до появления второго тома Конституционной истории»^{viii}.

В 1880 году М.М. Ковалевский опубликовал свою докторскую диссертацию под названием «Общественный строй Англии в конце средних веков».

В этой диссертации был обрисован экономический строй, сословия и классы Англии, какими они были в XV веке. В основу исследования М.М. Ковалевский положил архивные и печатные документы, манориальные ренталии²⁰ были широко использованы, хотя и не подверглись систематическому изучению. Сочинения юристов Литльтона²¹, Брактона²² и Фортескью²³, летопись Росеуса родом из Уорвика²⁴, отчет венецианского посла Андреа Тревезиано, прибывшего в Англию в 1497 году²⁵, протоколы вотчинных судов, переписка семьи Пастонов, незадолго перед этим опубликованная Гардинером²⁶; протоколы и ордонансы Тайного королевского Совета²⁷, опубликованные под редакцией Николаса²⁸, парламентские свитки – таков круг разнообразных источников, использованных автором. Содержание диссертации шире ее заглавия: в каждом разделе автор подходит к изучаемому им явлению XV века как к фазису длительного исторического процесса. Экономические факты, как распределение земельной собственности в Англии, начавшееся обезземеливание крестьян, появление фермерства, преобладание мелкого производства и промышленности, обширная торговля шерстью и шерстяными изделиями, громадные богатства, накопленные церковью, – все эти факты занимают в работе М.М. Ковалевского центральное место. Социальные отношения должны стать понятными только в свете приведенных автором экономических фактов. Эта мысль выражена первыми словами диссертации: «историку, который желал бы представить картину внутреннего быта той или другой страны в ту или другую эпоху ее существования, необходимо остановиться прежде всего на вопросе о распределении в ней недвижимой собственности. Эта последняя всегда являлась и доселе является одним из материальных фундаментов всякого господства, общественного и политического; от сосредоточения ее в руках того или иного сословия зависело и зависит^{ix} распадение общества на влиятельные и невлиятельные классы, чем меньше

^{viii} Вставка карандашом «Англ[ия] и ее нов[ая?] [история] 61».

^{ix} В машинописи отсутствует слово «зависит».

число собственников, чем однохарактерней их состав, тем сильнее сословный гнет; чем больше их, тем больше равенства в обществе» (1). Эта мысль, выраженная еще в XVII веке Гаррингтоном²⁹, – ключ для понимания основной исторической концепции автора. Изучаемый автором XV век английской истории – исходный момент процесса обезземеления светской аристократией всех других сословий. В XV веке Англия становится уже той образцовой страной крупного землевладения, какой она остается и в настоящее время (46–47).

Среди обширного круга изучаемых М.М. Ковалевским социальных явлений его особое внимание привлекает историческая судьба английского крестьянина. Вторая глава диссертации, названная «Система поземельных держаний», выясняет положение крепостных крестьян в Англии, постепенное вырождение крепостнических отношений в деревне, рост фермерских держаний и огораживаний, что ведет к крестьянскому обезземелению. Это последнее стоит в тесной связи с распадом старинного общинного землевладения. Поэтому так важен вопрос о характере общинного землевладения. М.М. Ковалевский не удовлетворен работой немецкого историка Нассе «Die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England»³⁰, так как он не воспользовавшись протоколами вотчинных судов того времени, не мог обрисовать как следует характер общинного землевладения в Англии. «Мне кажется, – пишет автор, – что самое название настоящей главы возлагает на меня обязанность восполнить по возможности оставленный им пробел, и что читатель поэтому не посетует за некоторые, быть может, мелкие подробности насчет этого, постоянно занимавшего меня вопроса» (98).

М.М. Ковалевский подробно останавливается на видах общинных угодий в Англии и отношении к ним законодательства. К положению различных разрядов английского крестьянства он возвращается в другом месте своей работы и рисуя различные формы крепостнической эксплуатации и считая неправильным вывод некоторых историков о слабости крепостного права в Англии (327).

Следует отметить, что и на положение сельских рабочих XV века было обращено автором внимание. Их годовой заработок не превышал в течение всего столетия 15–20 шиллингов, не считая в этом числе издержек на одежду, пищу и питье, т.е. от 3,5 до 4 шиллингов» (194). Их ряды замыкали женщины и дети с еще более низкой оплатой труда; первые с десятью, вторые с шестью шиллингами годового дохода. Обе диссертации М.М. Ковалевского ставили и разрешали крупнейшие вопросы социально-политической истории Англии средних веков и подводили к пониманию основ современного строя этой страны. Конечно, многие моменты английской средневековой истории в настоящее время изучены полнее и детальнее, но тогда, когда М.М. Ковалевский писал свои специальные

исследования, еще отсутствовали труды таких английских историков, как Мэтленд³¹, Кеннингем³², Эшли³³, а Роджерс³⁴ только начал издавать свою «Историю земледелия в Англии». Во многих отношениях он был новатором; ему принадлежала в России инициатива изучения прошлого Англии на основании архивных материалов. Это изучение он продолжил, и социальная история Англии заняла очень видное место в его трехтомной работе «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства», а политическая история и история политических учений Англии была им освещена в его тоже трехтомной работе «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму». В первой из них он остановился на процессе образования крупных поместий в Англии и поглощении ими свободной общинной собственности, на эволюции английского поместья XII–XIV века, на крестьянском восстании времени Ричарда II, на секуляризации монастырской собственности в XVI веке, на падении надельной системы и мирского пользования угодьями, наконец, на цеховом строе и на экономических последствиях черной смерти, в частности, на законодательстве о рабочих в середине XIV века.

Во второй своей трехтомной работе М.М. Ковалевский уделил наибольшее внимание английской политической литературе XVI–XVII веков, кризису английской конституции в середине XVII века и отражению этого кризиса в области общественных и политических учений. Но и более ранние политические учения (Фортеस्कью) и более поздние (Локк³⁵) также нашли свое место в этой работе. Подробный анализ того исключительно богатого содержания, которое заключают в себе эти два трехтомника для истории Англии, потребовал бы отдельной статьи.

Отметив это обстоятельство, переходим к достойному продолжателю М.М. Ковалевского П.Г. Виноградову.

III

В биографии М.М. Ковалевского и П.Г. Виноградова есть одна общая черта. Оба в начале своей ученой деятельности состояли профессорами Московского университета, но оба оказались неугодными министерству народного просвещения. Если М.М. Ковалевский был уволен по 3-му пункту за политическую неблагонадежность, то П.Г. Виноградов, не доводя дела до увольнения, уехал за границу и вскоре получил кафедру в Оксфордском университете, после смерти Генриха Мэна. Он принял английское подданство³⁶.

Свою задачу как исследователя он определял тем, что его в первую очередь интересовали не социологические построения, пока шаткие или чисто словесные, а установление причинной зависимости между отдельными рядами исторических фактов. Он изучал факты социально-экономической

и правовой истории Англии, которые были нужны ему для понимания феодализма. Феодализм стоял в центре его научной любознательности. В то время, когда он писал свою магистерскую диссертацию «Происхождение феодальных отношений в Ломбардской Италии» 1880 года, еще продолжались споры германистов с романистами по вопросу о генезисе феодализма. П.Г. Виноградов высказывался в том смысле, что и романский, и германский элементы одинаково участвуют в образовании феодального порядка, но при этом каждый играет свою специальную роль: «Один подготавливает общественное строение феодальной Италии, другой создает ее в политическом отношении» (337). С 1883 года П.Г. Виноградов начал свою работу над изучением происхождения английского феодализма. Он занимался в центральном лондонском архиве и Британском музее. Здесь ему удалось открыть неизвестный дотоле памятник «Сборник судебных протоколов» XIII века, составленный для юриста Брактона³⁷, изданный впоследствии Мэтлендом³⁸.

Изучая первоисточники, он искал ответа на свой основной вопрос о зарождении феодализма в области социально-экономических и правовых порядков Англии XI–XIII веков. В его время существовали два противоположных взгляда на социально-экономическую и правовую эволюцию феодальной Англии^x. Если упомянутый выше Нассе нашел в Англии деревенскую земельную общину и разрушение ее устоев видел в огораживаниях XVI века, то Сибом³⁹ утверждал, что социальное развитие Англии начинается не со свободной земельной общины, а с рабства, от которого Англия постепенно освобождалась; Сибом приписывал определяющую роль римскому рабскому поместью в развитии аграрного строя Англии. Виноградов в своей русской работе «Исследования по социальной истории Англии в средние века» 1887 г.⁴⁰ и в английской книге «Villainage in English»⁴¹ 1892 г. возражал Сибому и опровергал его теорию, видя в средневековом крепостничестве не продолжение рабства эпохи римской оккупации, а новообразование, возникшее благодаря манору, т[о] е[сть] феодальному поместью. Через манориальный строй осуществлялась власть лорда над зависимым от него населением. Это зависимое население было некогда свободным, составляя деревенские общины. Сам манор есть новообразование недавнего происхождения; он – амальгама, в которой можно найти более древний элемент, деревенскую аграрную общину и поздний вотчинный порядок. С течением времени эта амальгама усиливалась:

---

^x Зачеркнуто в тексте: «Его интересовал вопрос о происхождении и развитии английского феодализма. Ответа он искал в области социально-экономических и правовых порядков Англии XI–XIII веков. Его предшественники смотрели на социально-экономическую и правовую эволюцию феодальной Англии с двух противоположных точек зрения».

хозяйство деревенской земельной общины и хозяйство лорда уже не стояли особняком друг от друга, а тесно переплетались между собой. Виноградов продолжал свою работу над изучением структуры английского феодализма, давая блестящие примеры исторического анализа и синтеза. В 1908 году он опубликовал на английском языке свое новое исследование, примыкавшее к двум предыдущим «Английское общество в XI веке» (*English society in the eleventh century*), составленное на основании анализа данных «Книги страшного суда», этой подробнейшей экономической описи 36 английских графств 1086 года⁴². Интересуясь всегда юридическим оформлением социально-экономических порядков, Виноградов и на этот раз отмечает элементы англо-саксонского права в землевладении новой знати Англии; влияние французского права, заимствованного королями норманнской династии из практики норманнского герцогства, на гражданские отношения; влияние на военную организацию скандинавского обычного права, хотя последнее трудно проследить по всей полноте благодаря отсутствию письменных памятников и наличию одной лишь традиции (41; 404; 36–38). Работой синтезирующего характера обычно признается его «Средневековое поместье в Англии» (С. Петербург 1911 года), вышедшее несколько раньше на английском языке под заглавием «*The growth of the manor*». «Я попытался дать в этой работе общий очерк развития манора, как социального института, проходящего через все стадии английской истории. Но мне пришлось сделать самостоятельный выбор между спорными теориями и аргументами и установить возможно более ясно те руководящие идеи, с которыми, по моему убеждению, должны сообразоваться подробности» (5). В этой работе П.Г. Виноградов выходит за рамки того периода истории Англии, который он до сих пор так усердно и успешно изучал; он дает здесь не только эволюцию манориального строя за XI–XII века, но ищет зародышей манориального строя в кельтской родовой организации, в римском завоевании и в англосаксонской деревенской общине, в разложении ее старинной надельной системы и системы общего поля. Скептически настроенный историк юрист Мэтленд признавал манор скорее фискальной единицей, чем социально-экономической организацией. «Относительно деталей мы можем ошибаться, но, что этот термин (*manorium*) имеет техническое значение, связанное со сбором датских денег, в этом не может быть никакого сомнения» (128).

Вопреки этой точке зрения у П.Г. Виноградова мы находим совершенно другое определение манора. «Манор есть, во-первых, поместье, окруженное держаниями, во-вторых, он является комбинацией управляющих классов и подчиненных классов, военных и рабочих; и, наконец, в-третьих, он служит единицей местного управления» (293).

Манор – «некоторое постоянное сочетание сельского населения с господской усадьбой или доменом». Манор не есть изобретение досужливого человека; он никем не был изобретен; он развивался из потребностей самой жизни, целого ряда человеческих поколений. В отношении другого важнейшего средневекового института, именно деревенской земельной общины в Англии, П.Г. Виноградов также выставил четыре тезиса, отличавшиеся от точки зрения немецких и английских исследователей, как Мейцен⁴³, Гирке⁴⁴, Мэтленд. П.Г. Виноградов писал:

1. «Права, обязанности и форма организации сел вытекают из своеобразных особенностей системы общинных полей. 2. Давление сеньоров и правительства значительно видоизменило организацию сел и придало ей более грубые формы, но само по себе не являлось ее причиной и может объяснить многих ее особенностей. 3. При оценке юридического значения сельской общины приходится в такой же степени принимать во внимание манориальный юридический обычай, как и общее право королевских судов. 4. Реальные приурочения и автоматизм могут многое объяснить в процессе закрепления обычаев и приемов, но они совершенно не объясняют, каким образом возникли и изменялись те и другие. Из жизни села нельзя устранить элемент сознательной кооперации и сознательной организации» (316). П.Г. Виноградов допускал возможность сравнения английской деревенской общины с немецкой и французской, но поддерживал своеобразие английского варианта развития. Результатом общинной организации было не равенство и не постоянные переделы, а система долевого держания и основанная на обычае хозяйственно-правовая традиция. Эта община не устраняла возможности для роста индивидуального богатства, она не могла предупредить обеднение и разорение отдельных лиц и дворов. Это очень важный вывод для понимания дальнейшей эволюции английской деревни XIII–XIV века; на этом вопросе остановились позднейшие русские исследователи истории английского феодализма Дм. М. Петрушевский и Ев.А. Косминский.

Итак, П.Г. Виноградову удалось в этой синтетической работе, подводящей итог многолетним исследованиям, еще раз показать, как частное хозяйство лорда и его манориальное право явились лишь наслоением на старинные коллективные формы землепользования и соответствовавшие им обычаи. Одновременно с этим П.Г. Виноградов очень убедительно показал натурально-хозяйственные основы манориального строя. Когда в буржуазной историографии обнаружили новые течения, был поставлен под знак вопроса общепринятый научный метод в исторических исследованиях, когда начался пересмотр тех достижений и выводов, которые сделала историческая наука, развивавшаяся под знаменем философии позитивизма, П.Г. Виноградов остался на своих прежних позициях, продолжал быть верен

тому «положительному знанию», которому он так добросовестно и серьезно служил, как в молодости, так и в зрелые годы своей жизни, как на кафедре Московского университета, так и в Оксфорде, куда занесла его судьба, после того, как он не считал для себя возможным оставаться в России, где его взгляды на роль университета оказались слишком либеральными.

IV

П.Г. Виноградов стал известен своими исследованиями по социальной истории Англии XI–XIII века всему^{xi} историческому миру; ссылки на его работы встречались у историков, писавших на самых разнообразных языках Европы. Он стал крупнейшим специалистом и общепризнанным авторитетом по истории раннего английского феодализма. Разработку вопросов, связанных с историей английского феодализма на более поздней стадии его развития, которая граничит с его разложением, вел Д.М. Петрушевский, бывший профессор Московского университета, ныне^{xii} академик. Его диссертация была посвящена английскому обществу XIV века. Она носит заглавие более узкое «Восстание Уота Тайлера». Впервые была издана в 1897–1901 году в виде двух томов, впоследствии она переделывалась автором и переиздавалась в 1914 году и в 1927 году⁴⁵ уже в виде одного тома.

Работа Д.М. М. Петрушевского по времени своего появления предшествует двум последним крупным монографиям П.Г. Виноградова «The growth of the manor» и «The English society in XI century». В то время как П.Г. Виноградов оставался верен принципам позитивизма, Д.М. М. Петрушевский в период от первого издания своей монографии до последнего в 1927 году изменил свои воззрения на задачу и метод исторической науки и стремился в связи с этим сделать для себя «более ясным социологическое существо феодальных соотношений»; он признал неправильным деление феодализма на феодализм политический и социальный, заявив, что феодализм только определенная форма государственного устройства, опирающаяся на организованную государственной властью систему политически соподчиненных государственных тяглых сословий.

Вместе с этим, под влиянием известных работ Допша⁴⁶, посвященных социально-экономической истории Западной Европы III–IX века, Д.М. Петрушевский отказался от концепции натурального хозяйства применительно к раннему средневековью и утверждал, что англо-саксонская эпоха уже хорошо знала денежное обращение и обложение, англо-саксонские глафорды⁴⁷ (сеньоры) получали деньгами часть следуемых им поступлений с зависимых от них людей (148). Он считает, что манор как хозяйственная

^{xi} В машинописи вставлено «ученому».

^{xii} В машинописи «ныне» исправлено на «позднее».

организация всегда был связан с рынком и вел свое хозяйство, как предприятие, преследовавшее коммерческие цели; по своим задачам вотчинное хозяйство было меновым и денежным (109). Дм. М. Петрушевский доказывает, что на местном рынке сбывал свои излишки и крестьянин; иначе он бы не мог делать своему сеньору тех денежных взносов, которые под различными наименованиями фигурируют в пестром списке его вотчинных повинностей уже с очень отдаленных времен (108). Эти соображения открывают для Дм. М. Петрушевского возможность оторвать феодализм от наступательно-хозяйственной его основы и рассматривать его как политическое образование. В свете этих новых взглядов на феодализм он изменил свое мнение как о сущности феодализации Англии, так и о сущности разложения английского феодализма. В связи с этим третье издание книги Дм. М. Петрушевского было подвергнуто значительной переработке. Его новые взгляды, с которыми велась полемика на страницах нашей печати, сводятся к тому, что процесс феодализации в собственном смысле не внес ничего существенного «в собственно хозяйственную организацию крупной вотчины», но усилил ее средства, подчинив власти вотчинника свободных и независимых от него крестьян. Замкнутость феодального поместья вполне совместима с денежно-хозяйственными коммерческими интересами; оно натурально лишь в условном смысле, так как оно опирается на натуральные, барщинные повинности крестьян. Разложение же хозяйственной структуры феодального поместья сводится к расширению хозяйственных связей страны, к устранению стеснений, тормозивших хозяйственный оборот в стране, к освобождению крестьян от уз личной несвободы.

Процесс распада феодализма, добавляет Д.М. Петрушевский, шел и сверху, от государства, и снизу, стихийно – это был процесс экономический, разрушавший тесную хозяйственную связь барского двора и деревни (146).

Среди экономических перемен, которые переживал английский манор в XIV веке, находилась коммутация повинностей, принимавшая характер все развившегося массового явления: она знаменовала собою наступление в жизни манора перемен коренного свойства (197). Увеличивалась свободная рабочая сила, над которой лорд манора сохранял только политические права, и тем самым подрывалась хозяйственная основа старого манориального строя. Одновременно с этим барское хозяйство, развившись насчет общины, все более и более от нее отделялось, ставило себе особые цели, становилось «предприятием, с землей, капиталом и трудом, как вполне дифференцировавшимися экономическими категориями» (199).

Работа Дм. М. Петрушевского «Восстание Уота Тайлера» была написана на основе не только печатных источников, освещавших восстание Уота Тайлера, но и на основе рукописей, хранящихся в Британском музее

и в центральном Лондонском архиве, ланкастерский фонд которого дал особенно ценные материалы. По отзыву П.Г. Виноградова, она ничем не уступала параллельным, но гораздо более ограниченным по району исследования Ревилля⁴⁸ (Reville, *Le Soulèvement Des Travaileurs d'Angleterre en 1381*⁴⁹ и Пауэля⁵⁰ (Powell, *The Rising in East Anglia in 1381*)⁵¹)^{xiii}.

Она не только дает обзор источников и литературы по истории восстания, ход восстания в 19 графствах, характеризует его организацию и программы восставших крестьян и отмечает роль лоллардизма⁵², но она освещает причины пережитого Англией социального потрясения и для этого изображает кризис манориального хозяйства в XIV веке; классовую борьбу в английской деревне после чумной эпидемии 1348 года, историю законодательства о рабочих и слугах во второй половине XIV века^{xiv}.

Таким образом, Дм. М. Петрушевский дал яркое очертание большого события английской истории и вместе с тем бросил свет на общие условия, среди которых жило английское крестьянство в XIV веке.

К его работе неизбежно обращается всякий, кто изучает историю крестьянских движений в средние века, кто изучает разложение манориального строя в Англии, кто хочет знать конкретно кровавое законодательство относительно наемного труда, «с самого начала имевшее в виду эксплуатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии неизменно враждебное рабочему классу», которое впервые появилось в Англии при Эдуарде III в виде статута о рабочих, изданного в 1349 году (592. III изд. 1928).

Следует добавить, что Дм. М. Петрушевский занимался изучением и политической истории Англии средних веков, сосредоточив главное внимание на таком важном памятнике конституционной истории Англии, как Великая хартия вольностей. Кроме этого, им переведены на русский язык памятники истории Англии XI–XIII века, изданные одновременно в латинском подлиннике и в русском переводе (*en regard*)⁵³.

Как бы продолжая свою работу над изучением памятников английской истории XIV века, он перевел произведение Уильяма Ленгленда⁵⁴ «Видение Уильяма о Петре пахаре», которое было издано в 1941 году.

V

Как и Дм. М. Петрушевский, А.Н. Савин принадлежал к школе историков, воспитанных П.Г. Виноградовым. Он был его непосредственным учеником. При отъезде в заграничную командировку А.Н. Савин получил

^{xiii} На вклейке в машинописном варианте рукой автора вписано:

mille trois cents quatre-vingt un
thirteen hundred eighty one

^{xiv} В этом месте под звездочкой: «Ссылка на работу Д.М.». В машинописном варианте после знака нет текста.

от своего руководителя инструкцию, над чем работать. Ему рекомендовалось заняться изучением секуляризации и ее последствий, а также обширными исследованиями социального состояния Англии, произведенными при протекторе Сомерсете (8). В результате работы А.Н. Савина над печатными и рукописными источниками в центральном Лондонском архиве им были написаны «Английская деревня в эпоху Тюдоров» 1903 г. и «Английская секуляризация» 1907 год. Первое исследование было его магистерской, а второе – его докторской диссертацией.

Обе работы, посвященные социальной истории Англии XVI века, являлись как бы органическим продолжением тех исследований, которые были начаты П.Г. Виноградовым и Дм. М. Петрушевским. Глубокий интерес к истории английской деревни и английского крестьянства пронизывал и объединял все эти монографии, являясь отражением тех дум и размышлений об аграрном вопросе, которыми было охвачено русское образованное общество конца XIX и начала XX века. К той же серии монографий надо отнести и работу И. Граната⁵⁵ «К вопросу об обезземеливании крестьянства в Англии» 1908 г. И. Гранат, выступавший частным оппонентом на магистерском диспуте А.Н. Савина, также по архивным материалам изучал Тюдоровскую деревню и доказывал в своей работе, что не насилия английских лендлордов, а экономические условия привели к обезземелению крестьян и образованию пролетариата (246).

В отличие от И. Граната, ценившего обобщения и стремившегося к ним и изучавшего историческую действительность лишь с ее экономической стороны, А.Н. Савин был очень осторожным и многогранным исследователем. «Савин долго и тщательно подготавливает свое исследование, производит длинные и точные вычисления, собирает огромную массу доказательств и только тогда решается сделать очень осторожный, даже нерешительный вывод»⁵⁶ (25). Он изучал не одни экономические факты, хотя и придавал им наибольшее значение, но средневековое английское^{xv} право, административный аппарат государства Тюдоров, как-то сживался с людьми английского прошлого, открывавшимися ему через тщательное изучение архивных документов. Его осторожность переходила в скептицизм и напоминала читателю его книг известное изречение Ренана⁵⁷ «Истина – это оттенок» (*la vérité est nuance*). Правильно сравнивают по остроте анализа и по силе скептицизма А.Н. Савина с Мэтлендом.

Переходя к содержанию первого исследования А.Н. Савина, к его «Английской деревне в эпоху Тюдоров», мы видим, что оно делится на три этюда: 1) конец вилланства; 2) юридическая история обычного держания; 3) разложение манориального хозяйства. До А.Н. Савина еще никто

^{xv} В машинописи «английское» пропущено.

не давал такого обстоятельного очерка, основанного на богатых документальных данных, об исчезновении разряда вилланов. «В эпоху Тюдоров я нашел бондменов (крепостных) в 26 английских графствах и по меньшей мере в 80 манорах... Семейства сосчитать трудно, но, конечно, их число никак не меньше 5000. Общее число бондменов должно близко подойти к 2000» (18–19).

Во второй половине XVI века было еще около 1 % вилланов. Но А.Н. Савин дает не только количественную характеристику остатков крепостничества, но и качественную. Самую важную перемену в положении вилланов внесло рабочее законодательство Эдуарда III. Безработный виллан стал рабочим каждого нанимателя; заповедная черта манора, отделявшая его от внешнего мира, исчезла. «Человек манориального обычая до некоторой степени стал человеком общего права» (25). Однако крепостное право было живуче: судьи эпохи Эдуарда IV рассматривают виллана как простую движимость, протоколы манориальных курий говорят о правах лорда на личность и имущество крепостных. Освобождение на волю совершалось за большую сумму денег. «Личная крепость оказалась прочнее домениального хозяйства и даже сельской общины». Долговечность остатков крепостничества в Англии имела значение и для копигольдеров⁵⁸. Второй этюд о копигольде – «самая ценная и обширная часть книги», говорил П.Г. Виноградов в своей рецензии на работу Савина. Русский историк, а не Эшли и не Лидем⁵⁹ выяснил, как виланские держания, лишённые правовой защиты по отношению к лорду, вошли в систему охраняемых государством форм владения и превратились в копигольды. Это был переход от средневековой организации землевладения к современной (ЖМНПр. 1904. Сент.)^{xvi}.

Изучив юридическую теорию копигольда, А.Н. Савин приходит к выводу о глубокой исторической связи между вилланами и копигольдерами. Эту связь можно проследить не только в юридической теории, но и в истории отдельных маноров, так сказать, на конкретных исторических примерах. Но что определяло жизнь копигольдера? Она определялась произволом лорда, местным обычаем и вмешательством администрации и королевских судов. Если все было нормально, то все направлялось обычаем. «Вся крестьянская жизнь вращалась вокруг манориальной курии» (141). Изучая манориальные обычаи, легко убедиться в том, что они очень разнообразны. Так оказывается, что держания во многих случаях были не наследственные, а пожизненные, плата за допуск и держание была часто произвольной, но ренты за землю были неподвижны, хотя не повсюду. Манориальный обычай был слабой гарантией для прочности копигольда. «Лорд все-таки

^{xvi} В рукописи.

очень часто имел право и возможность удалить крестьянина и заменить его более приятным и более выгодным фермером» (206). Этим можно объяснить то обстоятельство, что канцлерский суд, суды общего права, палата прошений, Звездная палата и Тайный совет короля брали на себя охрану обычных держателей. Не останавливаясь на юридических вопросах, детально изученных А.Н. Савиным, заметим только то, что это вмешательство государства в отношения между лордами и копигольдерами выводит бывшее вилланское держание из его средневековой феодальной обособленности, но далеко не всегда охрана манориального обычая является охраной крестьян.

Наконец, на севере Англии и в Уэльсе обычные держания превращаются в аренды, охраняемые общим правом; на севере это происходит в силу военной обстановки, а в Уэльсе благодаря политике англификации.

Только подробно изложив юридическую историю копигольда, А.Н. Савин обращается к последней теме, к разложению манориального хозяйства в XVI веке. Эта область изучения оказалась еще более трудной, чем «искусственная, но более простая и ясная область права» (389). Автор ограничивает свою задачу скромными рамками. Не касаясь огораживаний/секуляризации, крестьянских движений и аграрной политики правительства Тюдоров, А.Н. Савин хочет проследить ликвидацию феодального строя в пределах манора, с этой целью он выполняет разложение манориального хозяйства, именно обособление домена и распад общины. В одних случаях наблюдается сокращение домена, за его счет появляются крестьянские держания, но гораздо чаще домен растет, а держания исчезают (397). Общий баланс перемен в распределении земельной собственности в XVI веке складывается решительно в пользу манориальных лордов и в ущерб держателям, так что эпоха Тюдоров есть несомненно пора частичного обезземеления крестьян. Но рост домена еще не означал возрастания сеньориального хозяйства; лорд обращался к сдаче земли в аренду, но, с другой стороны, живучесть феодальных работ говорит о медленности перестройки системы хозяйства (421). Как далеко в XVI веке ушло разложение сельской общины в Англии? Картина состояния общинного строя в Англии очень пестра; концентрация держаний и выдел их из площади «открытых полей» очень неодинаковы в различных манорах. А.Н. Савин останавливается на разных формах и степенях проявления распада общины. Если периодические переделы земли в общине – свидетельство крепости ее устоев, то раздел земель на вечные времена знаменует собой решительное ослабление, если не конец ее существования. Автор подчеркивает крайнюю медленность эволюции аграрного строя и крайнюю сложность состава английской деревни, в которой элементы прогресса перемежались с остатками архаических порядков.

«Английская секуляризация»⁶⁰ – вторая фундаментальная работа А.Н. Савина, ценный вклад в нашу и мировую науку истории. П.Г. Виноградов в рецензии на «Английскую секуляризацию» назвал Савина первоклассным исследователем, обнаружившим неутомимое трудолюбие, строго критическое отношение к материалу, широту кругозора и умение сводить кропотливые изыскания к крупным выводам (ЖМНПр. 1907. дек.). А.Н. Савин провел такую обработку источников, какой до него не было и в самой английской исторической литературе.

Работа распадается на пять отдельных крупных этюдов, в том числе один этюд историографический, где дан анализ литературе по истории диссолюции⁶¹, в том числе работе М.М. Ковалевского. Свое исследование А.Н. начал с оценки своего основного источника *Valor ecclesiasticus*⁶², составленного королевскими переписчиками монастырских владений в 1535 году. «Критика источников есть самый скучный вид исторического исследования. Критика переписей есть самый скучный вид критики источников» (75). Однако она необходима, и критика источника в конечном счете «обезоружила сидящего во мне скептика», как выразился А.Н. Савин. Наблюдения над источником, сопоставление его данных с данными других источников убедили исследователя, что доверчивая позиция значительно сильнее скептической. Этюд «Монастырское хозяйство накануне диссолюции» самый большой в работе; это целое отдельное исследование. Пытаясь выяснить сумму доходов монастырей, А.Н. Савин сталкивается с тем фактом, что титулы земельных владений монастырей были очень различны: рыцарское держание, свободная милостыня, сока⁶³, городское владение, копигольд, держание по воле лорда, аренда разных сроков (85). В таблицу доходов у Савина вошло 553 монастыря, сумма чистого дохода определена 136.373 ф.ст. Это был доход от земли; одна из самых замечательных черт в монастырском бюджете – незначительность дохода от неземледельческих промыслов (128); основной источник дохода – платежи держателей земли. Несмотря на то, что монастыри были крупными хозяевами, они столько же земли распахивали, сколько и оставляли для себя под пастбище (187). Автор с недоверием относится к утверждениям об огромной социальной роли монастырей как благотворителей; благотворительность носила случайный характер и не была значительна. «Круг людей, живших единственно насчет монастырского бюджета, был и не так велик и не так демократичен, как представляется в католической легенде» (282). Монастыри находились в тесных связях с окружавшим их джентельменским обществом.

Последние два этюда книги А.Н. Савина посвящены уже непосредственно монастырской диссолюции; один называется «Юридическая история диссолюции при Генрихе VIII», а другой – «Отчуждение монастырских земель короною при Генрихе VIII». А.Н. Савин излагает содержание

трех диссольюционных статутов и подчеркивает важность фискальных мотивов в них (365), говорит об учреждении особой курии прибылей, которая должна заведовать новым имуществом английской короны, далее останавливается на курии генеральных переписчиков, которая сливается с первой, вообще детально освещает весь новый бюрократический аппарат, который был создан в связи с секуляризацией.

При этом корона, а не государство, считалась обладательницей монастырских богатств подобно тому, как доходы с Ланкастерского герцогства считалась собственностью короля.

Несколько неожиданно звучит упрек П.Г. Виноградова, что в работе Савина не освещена история разработки мероприятий по диссольюции монастырей (ЖМНПр. 1907. дек.).

В истории монастырских отчуждений короною А.Н. Савин останавливается на тех разрядах населения, к которым перешла монастырская недвижимость. Король сначала стал «наследником иноков». Но монастырские земли ушли от короны, разошлись по частным рукам, поступили на рынок. Появились там, где были монастыри, и новые хозяйства и новые собственники (420). Однако проследить все отчуждения монастырской земли А.Н. Савин заранее отказался. «За пределами работы остались монастыри Уэльса, нищенствующие ордена, диссольюция Эдуарда VI, коснувшаяся капелл, колледжей, гильдий, братств» (421). Приняты были во внимание только первые отчуждения и только отчуждения в наследственные владения.

Было много желающих получить «кусочек монастырского пирога», это люди среднего и высшего класса; на крестьянскую долю земли не оставалось ничего или почти ничего. Кроме продаж монастырской земли встречались и пожалования, например, 124 пожалования приходились на 38 пэров. Земля перешла в руки главным образом служилых людей, по преимуществу руководителей центрального государственного механизма. Государственный фактор воздействовал на перераспределение земельной собственности. А.Н. Савин в последние годы своей жизни приступил к изучению аграрной истории Англии XVII века; следуя мысли Мэтленда, он начал вести изучение отдельных маноров XVII века; он успел составить и напечатать статьи по трем манорам (см.). Он продолжал собирание материалов для задуманных небольших монографий по отдельным манорам в 1914, 1922 и 1923 году. Я имел счастливый случай видеть его тетрадь в черном переплете для выписок и обработки архивных материалов; в нее А.Н. занес свои последние записи по истории манора *Brampton u Barrow on Humber*. Это были последние результаты его работы в центральном Лондонском архиве. Простудившись там, он заболел и умер 29 января 1923 года, находясь в научной командировке в Лондоне.

Надо отметить, что среди университетских лекционных курсов история Англии всегда занимала очень видное место. Выдающимися среди них являются его лекции по истории английской революции. (изд. 1924 г.)⁶⁴.

VI

А.Н. Савин умер уже в советский период нашей истории. Его ближайшие ученики и последователи продолжали вести изучение социальной истории Англии, начатое в 80 годы XIX века М.М. Ковалевским и П.Г. Виноградовым.

Прежде всего остановимся на монографии Ев. Ал. Косминского «Английская деревня в XIII веке» (1935 г.), которая по своему содержанию очень близка к тем вопросам социальной истории Англии, которыми занимались П.Г. Виноградов и Дм. М. Петрушевский. С точки зрения хронологии изучаемых в ней явлений она стоит между «Villainage in England»⁶⁵ Виноградова и «Восстанием Уота Тайлера» Петрушевского, являясь связующим звеном между ними. Но она не только восполняет пробел, она заключает в себе ряд принципиальных возражений своим предшественникам по работе. Она представляет собою новый этап в историографическом отношении, так как заключает в себе новую теорию исторического познания, отличную от позитивизма и примесей риккерттианства^{xvii}.

Е.А. Косминский излагает в начале своей монографии те выводы, к которым пришел П.Г. Виноградов по вопросу о сущности манориального строя как английской разновидности феодальной вотчины, с тем чтобы показать читателю, как позднейшая историография, начиная уже с Мэтленда, все более и более отходила от классической по своей законченности концепции Виноградова. «Начинается эра специальных изысканий, сосредотачивающихся на отдельных манорах, отдельных районах, отдельных проблемах» (12). Все исследование Е.А. Косминского построено в плане возражения и опровержения тех выводов, к которым пришел П.Г. Виноградов. Манор, как его нарисовал П.Г. Виноградов, не адекватен той пестрой картине земельных порядков Англии, какие в ней существовали. Коренная ошибка П.Г. Виноградова была в том, что он часть, т.е. манориальный строй юго-восточной Англии, изученный им на основании главным образом церковных источников, принял за целое, тогда как его выводы могли иметь лишь ограниченное значение. Кроме того, крупное крепостническое церковное хозяйство показано статически и изолированно, больше с историко-юридической, чем историко-экономической точки зрения. Ни на севере, ни в восточной Англии, ни в Кенте манор, показанный П.Г. Виноградовым, не господствовал. На севере было много свободных

^{xvii} В машинописи «и сочетания позитивизма и риккерттианства».

крестьян, незначительны размеры доменов и сравнительно независимы крестьянские общины. На востоке Англии крестьянское держание свободно от чересполосицы полевого надела, и само держание крайне разнообразно; здесь с особенной силой выступали нефеодалные элементы английского общества. На западе Англии проступали особые уэльские порядки, и домен стал складываться не ранее XIII века.

С другой стороны, Ев.А. Косминский ставит под обстрел и тезис П.Г. Виноградова о господстве натурального хозяйства в манориальных порядках XIII века. Коммутация повинностей началась раньше; существовали старинные денежные платежи крестьян лордам; словом, развитие феодальной ренты в Англии не было таким простым процессом, как он представлялся П.Г. Виноградову. Чтобы ближе подойти к английской деревне XIII века и осветить ее подлинную историю, надо обратиться к новому источнику, сравнительно мало изученному. Это – сотенные свитки⁶⁶.

«Мне кажется, что 700 деревень в средних графствах Англии в 1279 году могут составить прочный фундамент для понимания истории английской деревни» (29).

«В этом на первый взгляд простом и однообразном, но на самом деле крайне сложном и запутанном материале мы надеемся найти ответы на ряд основных проблем истории феодальной Англии» (46). На основании сотенных свитков Е.А. Косминский устанавливает существование 8 типов манориальной организации. Если первым типом считать манор с доменом, вилланской землей и свободными держаниями, то различное сочетание этих трех элементов дает целый ряд новых типов манориальной организации. Доля неманориальных элементов в английском землевладении очень незначительна, достигает 40 % (110). Не существовало устойчивой пропорции между доменом и вилланскими держаниями. Все эти выводы, данные в монографии Ев.А. Косминского, приводят к новому взгляду и на характер феодальной ренты в Англии XIII века, на соотношение между отработочной и денежной рентой. Мелкие и средние вотчины не могли обходиться при помощи одних лишь барщинных работ вилланов, тогда как крупные и особенно церковные вотчины были лучше обеспечены крепостным трудом (153).

Наемный труд в сельском хозяйстве XIII века уже играл большую роль; малоземельное крестьянство уже тогда ставило необходимую рабочую силу, с чем гармонирует тот факт, что значительная часть мелких держаний либо совсем не несет отработочных повинностей, либо несет их в незначительных размерах сравнительно со всей денежной рентой (145). Чтобы сделать свои выводы, полученные на документах, относящихся лишь к нескольким графствам средней Англии, более убедительными, Е.А. Косминский обратился еще к другому источнику «Посмертным

расследованиям» (*Inquisitiones post mortem*⁶⁷), охватывающему 36 графств эпохи царствования Генриха III (от 30 до 70 годов XIII века). Классический по своей структуре манор, обрисованный П.Г. Виноградовым, с большим доменом, обрабатываемым крепостными, с тяжелыми рабочими повинностями и небольшими денежными платежами несвободных держателей^{xviii}, с незначительным фригольдом⁶⁸, платящим денежные взносы, не определял собою господствующий тип. Характеризуя средний тип манор по данным указанного первоисточника, Ев.А. Косминский определяет его такими чертами: 1) перевес рентного сектора над домениальными, 2) преобладание денежной ренты над отработочной^{xix}, 3) значительная доля денежных поступлений, получаемых от свободных держателей (от 29 % до 18 %), 4) наличие значительного количества наемных рабочих, используемых в манориальном хозяйстве (190–191). Манориальное хозяйство рассмотрено автором не изолированно, а в тесном взаимодействии с внутренним и внешним рынком. Рост того и другого в XII–XIII века после норманнского завоевания, после установления тесных политических связей с континентом, имел три результата: расширилась доля денежных рент, увеличилась тяжесть барщинных работ вилланов, иногда возрастали и натуральные оброки. Все это обостряло противоречия в деревне между вилланами и лордами. Лорды вели наступление на право вилланов; юридическая теория XIII века приравнивала вилланов к рабу; его имущество считали достоянием лорда. Лорды укрепляли свое государство, чтобы, опираясь на него, противостоять вилланам и сломить их сопротивление.

В этом социально-политический смысл реформ Генриха II. Коммутация повинностей продолжалась, но она вызывала сильное расслоение деревни, она поднимала на более высокий уровень жизни более обеспеченную часть деревни. Зарождался новый способ производства в рамках феодального поместья. Господствующий класс феодалов стал делиться на защитников крепостнической системы хозяйства, какими являлись по большей части крупные светские и духовные лорды, и на защитников системы наемного труда; это были по преимуществу средние и мелкие рыцари графств (231). Наличие в Англии мелких и средних фригольдеровских хозяйств; распыление их земель и собрание их в руках немногих; обращение к наемному труду и образование кадров, предлагавших свой труд, – все это идет навстречу распаду феодальных отношений и раннему перерождению их в отношения буржуазные. Последняя глава монографии Е.А. Косминского не только продолжает критику концепции манора, как она была дана П.Г. Виноградовым, но и представляет ряд возражений против выводов,

^{xviii} В машинописи «держаний».

^{xix} В машинописи «отработочной».

к которым пришел^{xx} Д.М. Петрушевский в своей работе «Восстание Уота Тайлера»: корни феодальной реакции середины XIV века надо видеть не в последствиях Черной смерти, как утверждал Д.М. Петрушевский, а в том приспособлении манора к рынку, которое так ярко и многообразно выступает уже в XIII века и которое ведет к усилению эксплуатации вилланов, во всех возможных формах, в том числе и к усилению барщины. Гражданская война в Англии XIII века, благодаря исследованию Е.А. Косминского, получает новый смысл, если принять во внимание, что уже в XIII веке в Англии формируются две группы лендлордов: одна феодальная, состоящая преимущественно из крупных духовных и светских землевладельцев и вторая, использующая наемный труд в сельском хозяйстве, защитница денежной ренты, пополняемая мелкими и средними рыцарями. У этих групп создавалась естественно различная политическая ориентация.

Вместе с тем зародыши буржуазного перерождения части английских лендлордов можно видеть уже в XIII веке, однако феодальная верхушка, охранявшая старый способ производства, была тогда главной социальной и политической силой (241). Изучаемые Е.А. Косминским первоисточники, именно *Rotuli hundredorum*, позволяли ему лучше, чем какие-либо другие памятники XIII века, разглядеть лицо феодальной деревни и он, заканчивая свою монографию, пишет, что проблема расслоения крестьянства, проблема свободного держания и его ренты, проблема коммутации составят содержание второго тома исследования.

VII

В том же 1935 году вышел первый том «Аграрного законодательства английской революции» С.И. Архангельского. Автор стремился выяснить историю аграрного законодательства в период 1643–1648 года, раскрыть ход секвестра земель делинквентов⁶⁹ в связи с композициями и продажами этих земель, проследить распродажу епископских земель, показать роль революционной армии в разрешении земельного вопроса и реакцию крестьянства на те аграрные сдвиги, которые тогда происходили в Англии. В 1940 году вышел второй том этого исследования, охватывавший период от 1649 до 1660 года.

Во втором томе обрисованы дальнейшие распродажи земельных владений делинквентов^{xxi}, деканов, капитулов, епископов и короны. Так как английская революция переплеталась с ирландским восстанием и войной против Ирландии и Шотландии, то автор поставил своей задачей расширить свои

^{xx} В рукописи вычеркнуто «учитель Е.В. Косминского».

^{xxi} [на основании трех актов 1651–1652 года].

наблюдения на эти страны и выяснить характер земельной мобилизации в них в связи с завоеванием этих стран Ол[ивером] Кромвелем и присоединением их к английской республике.

Аграрные сдвиги, вызванные английской революцией, были очень слабо освещены как в общих, так и специальных работах. Да и вся аграрная история Англии XVII века сравнительно мало привлекала к себе внимание. А.Н. Савин, читавший специальный курс по истории английской революции на историко-филологическом факультете Московского университета, лишь в последние годы своей жизни обратился к изучению истории отдельных маноров, их социально-экономической ткани. В этих этюдах он уделил большое внимание тем новым чертам, которые характеризовали манор XVII века. Эта работа, которую назвали исторической разведкой, направленной в темный XVII век, осталась незаконченной. Все это побуждало С. Архангельского поставить основной задачей начатого исследования выяснение тех перемен, которые внесла английская революция в землевладение. Разрешение этой задачи, казалось, должно помочь ответить на другой более общий вопрос, что из себя представляла аграрная эволюция Англии XVII века и какие процессы связывали между собой Англию XVI и Англию XVIII века.

Для решения поставленной задачи надо было^{xxii}, прежде всего, изучить аграрное законодательство 40–50 годов XVII века. Главное содержание его раскрылось в ордонансах и актах, касавшихся конфискации и продажи земельных владений знати и дворянства, державших сторону короля: епископов, деканов и капитулов, наконец, короны. Эти ордонансы и акты подлежали изучению не только сами по себе, но и в связи с событиями революционной эпохи. Представляя ряд звеньев, связанных между собой, законодательные памятники могли быть поняты только на фоне экономического развития Англии и социально-политической борьбы. Их происхождение и подготовка, поправки, в них вносимые, роль общественных учреждений, проекты законодательных мероприятий, никогда не ставшие таковыми, – все это входило в круг исследования и давало возможность с новой точки зрения подойти и к событиям революционной эпохи.

Несомненно, землевладение кавалеров, церкви и короля стояло в центре внимания у деятелей революции, и этот вопрос незаслуженно был обойден рядом поколений историков, изучавших революцию, и придерживавшихся традиционной формулы ее объяснения. Таким образом, изучение истории английского землевладения за 40–50 годы XVII века не есть привнесение в историографию каких-то личных вкусов и симпатий,

---

^{xxii} Далее в рукописи вставка на 3 листах – машинопись с авторской правкой (до слов «В истории Англии»).

а есть настоятельная потребность, диктуемая нашими поисками не только равномерного и симметричного знания эпохи, но и знания действительно объективного, возможного на основе учения классиков марксизма-ленинизма. Это была также задача, поставленная всем ходом русской историографии, последовательно изучавшей социальную историю Англии.

От изучения самих ордонансов и актов, касавшихся землевладения 40–50 годов XVII века, был естественный переход к вопросу о том, как эти законодательные документы претворялись в жизнь, как они преломлялись в той исторической обстановке, в которой должны были действовать, т.е. прежде всего, какой характер получила земельная мобилизация, тесно связанная с их проведением в жизнь. Центральным моментом тут являлось установление того, какой характер носила покупка распродаваемых конфискованных земель. Каков был социальный облик покупателя, изменялось ли положение держательской массы, были ли устойчивы при этом манориальные порядки и общинные сервитуты?

В истории Англии еще не было эпохи, когда бы такое множество земельных владений, принадлежащих феодальным собственникам или феодальным корпорациям, поступило в продажу за сравнительно короткий период времени в 13 лет (1646–1659). Вот таблица продаж только церковных и коронных земель.

	Число продаж	Полученная сумма в фунтах
Церковные земли	1327	2.146.562
Коронные земли	687	1.314.825
Итого:	2014	3.461.387

К этому надо присоединить продажи земель делинквентов; одни продажи происходили в частном порядке, другие на основании правительственных актов. Количество этих продаж определить не представляется возможным. Невзирая на такую громадную мобилизацию земель, она прошла мимо английского крестьянина. Покупателями выступали буржуазия и новое дворянство. В стране происходили огораживания, ликвидировались частично общинные сервитуты на территории лесов, шла проверка прав держателей на земли. В Англии укреплялся индивидуалистический принцип в правах на землю, отвечавший интересам капиталистов. Ликвидировалась старинная рента за землю, длинные сроки держания земли заменялись более короткими; предпочтение оказывалось новым держателям, свободным от традиционных форм держания земли. Никакого

акта об охране прав держателей не было издано, хотя дебаты об охране прав держателей не было издано, хотя дебаты об этом неоднократно поднимались в парламенте. Зато был издан акт об отмене рыцарского держания, объявлялось свободным феодальное владение *in capite* и всякое владение в форме соки, которую держали непосредственно от короля. Новые и старые владельцы феодальных земель за собой сохраняли все старинные права над населением их маноров, но сами освобождались от обязанностей и ограничений своих прав по отношению к верховному феодальному собственнику.

Что из себя представляла английская деревня революционной эпохи?

В описях секвестрованных земель встречаются рентали копигольдеров и фригольдеров, обычаи маноров, данные об огораживании, об общинной земле, о сервитутах, о разделах земли для продажи.

Одни данные упираются в далекое прошлое деревни, другие рисуют современность, третьи касаются ближайшего будущего. Это позволяет наметить динамику деревенских порядков. В то время как манориальный обычай говорит о значительных наделных участках, ренталь описи отражает их измельчание, появление на копигольде горожанина и дворянина. В описях отразилась и деревня с преобладающими численно средними дворами, и деревня, где преобладают дворы, мало обеспеченные землей, и деревня, где произошла концентрация копигольдов в руках небольшого количества лиц.

Со всем ходом английской революции тесно сплеталась история Ирландии и Шотландии. Каждая из них получила от английского парламента свои земельные законы, находившиеся в непрерывной связи с основным направлением революции.

Изучение аграрного законодательства, действовавшего в 50 годы^{xxiii} XVII века в Ирландии, имело целью выяснить, как оно возникло и было подготовлено, какие принципы были положены в его основу, как оно действовало. Сопоставление аграрных законов, действовавших в Ирландии, с теми, которые применялись в Англии, еще более отчетливо вырисовывает перед нами основную черту земельного перераспределения и переустройства – вторжения английского капитала в землевладение. Та ломка старинного землевладения, которая вуалировалась в Англии юридической традиционностью, подчеркиванием правовой преемственности, которая связывала старинное землевладение с новым, проходила в Ирландии совершенно откровенно и с попранием всего старинного правового порядка, восходившего своими истоками к кланам.

---

^{xxiii} Далее вставка на 3 листах – машинопись с авторской правкой (до слов «В 1940 году вышла в свет...»).

Частно-правовые сделки с землей в Ирландии выливались в форму покупки солдатских обязательств, дававших право на земельный надел, что еще более содействовало появлению здесь крупного землевладения^{xxiv} английского типа, в котором для ирландца была предоставлена роль нищего арендатора кусочков земли. Недавно опубликованная опись графства Типперери за 1656 год⁷⁰ дала возможность сделать некоторые сопоставления старого земельного порядка в Ирландии с новым.

Земельную мобилизацию в Шотландии за время 1652–59 года можно наблюдать по опубликованному регистру Большой печати Шотландии⁷¹, в которой, по распоряжению Кромвеля, заносились все гражданские акты, касавшиеся перехода феодальных земель, тогда как ни Англия, ни Ирландия не обладали таким регистром. На фоне этой, так сказать, естественной мобилизации земель, ее перехода от феодальной знати и дворянства в руки разнообразных прослоек растущей буржуазии можно рассмотреть действие ордонансов 12 апреля 1654 года об объединении Шотландии и Англии, о конфискации земель и о наложенных на шотландскую феодальную знать и дворянство композициях. Здесь открывался новый вариант земельной мобилизации с преобладанием частно-правовых земельных сделок, в отличие от ирландского, где они почти отсутствовали, и английского, где они были закрыты продажами земель с участием в них органов революционной власти.

Главы, отведенные Ирландии и Шотландии, не только дали возможность лучше уяснить английский вариант аграрного законодательства и его действие, но и показать, что английская революция, мобилизуя феодальное землевладение, протекала в неоднородной исторической среде, в странах не совсем одинакового исторического возраста, и строила буржуазный порядок, по-разному комбинируя его элементы и по-разному соединяя их с остатками феодализма, в зависимости от результатов социальной борьбы.

В 1940 году вышла в свет последняя из известных нам монографий по социальной истории Англии. Это «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII–начала XIX века». Ее автор – ученик А.Н. Савина Вл.М. Лавровский. Уже до издания этой монографии Вл.М. Лавровский опубликовал ряд предварительных этюдов по вопросу об огораживаниях XVIII–XIX веках. Это были: 1) Проблема исчезновения крестьянства в Англии (Труды Института истории. 1926 г. т. I); 2) Коммутация десятины в Англии как один из факторов обезземеливания английского крестьянства (Ученые записки Института истории. 1928 г. Т. VII); 3) Парламентские огораживания в графстве Сэффолк (1797–1803) (Известия

^{xxiv} В машинописи пропущено слово «землевладения».

Академии наук СССР. 1932 г.); 4) Основные проблемы аграрной истории Англии конца XVIII и начала XIX века. 1935 г. 5) Карты парламентских огораживаний как источник по истории землевладения в Англии конца XVIII – начала XIX века (Проблемы источниковедения. 1936 г. II т.)^{xxv}.

VIII

Монография Вл. М. Лавровского⁷² была им написана на основании архивного, до сих пор мало использованного источника приговоров об огораживании *The inclosure Awards*⁷³ и карт парламентского огораживания, из которых 41 карта опубликованы в виде особого приложения к книге Вл. М. Лавровского. Кроме этого основного источника Вл. М. Лавровским были использованы также заявления держателей от отведения наделов (*claims*) и списки плательщиков поземельного налога (*Land tax Assessments*).

Заявления держателей почерпнуты были им из одного сборника (*Paper relating [to Suffolk]*), хранящегося в Британском музее (15). В начале своего исследования автор установил свое отношение к главному источнику, к приговорам об огораживании и определил свое отношение к главному источнику, к приговорам об огораживании и определил свой метод. «На основании приговоров об огораживании можно получить в достаточной мере определенный и точный ответ на вопрос о том, как была распределена земельная собственность – фригольд или копигольд, выражаясь языком английского земельного права, как на вновь, в силу актов парламента, огораживавшейся земле, так и на части земли, ранее огороженной» (49).

Что касается карт, то они позволяют автору во многом уточнить и конкретизировать картину распределения земли к моменту огораживания и после него. Эти документы дают возможность от распределения земли перейти к характеристике разрядов деревенского населения; они открывают остатки старинной деревни в Англии и изображают новую деревню капиталистического общества; они исходят из норм старого манориального права, которое приспособляется к буржуазным отношениям, к аренде земли на основании общего права. Однако эти последние отношения выступают лишь спорадически в указанном источнике, и исследователь чувствует необходимость в дополнительных документах. Из прилагаемой таблицы (№ 1) видно, что автор изучил 58 приговоров об огораживании, относящихся к 25 графствам центральной, восточной и юго-западной Англии и составленных в период 1792–1813 года, т.е. во время напряженной войны между Англией и Францией. Работая в Государственном Лондонском архиве, Вл. М. Лавровский отобрал из массы приговоров об огораживании лишь небольшую часть их; он руководился при отборе наибольшей

^{xxv} Данный абзац отсутствует в машинописи.

полнотой данных относительно распределения земельной собственности, наличием карты; если по графству было много подобных приговоров, тогда автор брал наудачу те или другие приговоры. «Таким образом, мой выбор носил, как мне кажется, случайный характер – в смысле, приближающемся к тому, в каком это понятие употребляют статистики, применяющие выборно-статистический метод в своих специальных исследованиях» (70). Это придает работе, построенной на сравнительно узком материале (изучено около 5 % всей огороженной в период 1792–1814 гг. площади), несколько абстрактный характер^{xxvi}. Выборно-статистический метод уводит автора от изучения всего многообразия подлинной исторической действительности и не позволяет вскрыть те силы, которые двигали жизнь вперед в эпоху революционных и наполеоновских войн^{xxvii}.

Основными главами в работе являются VI и VII. В них идет речь о крестьянском, дворянском и духовном землевладении, о землевладении учреждений и буржуазии. Уделив очень большое место разбору различных определений для понятия «собственник крестьянского типа», какие можно найти у агрономов конца XVIII и начала XIX века, у юриста Блекстона⁷⁴, у современных исследователей, у идеологов лозунга «назад к земле», Вл.М. Лавровский переходит к собственной формулировке этого понятия. К собственникам крестьянского типа он относит всех упоминавшихся в приговорах об огораживании мелких, средних, а иногда и довольно крупных по размерам землевладения фригольдеров или копигольдеров, которые не называются ни джентльменами, ни эскуайрами, не являются духовными собственниками, обозначенными обычно титулом «реверенд»⁷⁵, ни купцами, банкирами или участниками торговых кампаний (109).

Автор принимает ленинское деление крестьянства на мелкое, среднее и крупное, но в отличие от ленинского метода характеристики расслоения крестьянства^{xxviii} он принимает во внимание лишь размер землевладения, так как это, по состоянию источников, единственно «возможный критерий для суждения о вероятных размерах крестьянских хозяйств» (III). Эти собственники владели 20.647 акров, т.е. 22,5 % всей изученной автором площади землевладения. Вл.М. Лавровский отмечает многочисленную группу малоземельного крестьянства, собственников не свыше 3 акров земли. Эта группа представляет в сущности сельско-хозяйственный пролетариат, вынужденный работать из платы по найму.

^{xxvi} В машинописи зачеркнуто в тексте «построенной на сравнительно узком материале / изучено около 5 % всей огороженной в период 1792–1814 гг. площади/, несколько абстрактный характер».

^{xxvii} В машинописи предложение зачеркнуто.

^{xxviii} Зачеркнуто в машинописи.

Расслоение деревни ярче в приходах с наибольшим процентом крестьянского землевладения, а разрушение деревни сильнее там, где на лицо наименьший процент крестьянского землевладения (125). Малоземельное крестьянство обращается в поисках за заработком к промыслам, тогда как другая часть крестьянства прибегала к аренде земли; некоторые из этой группы крестьян выделялись из рядов остальной массы арендаторов и собственников крестьянского типа (131). Ушедшие из деревень крестьяне были связаны с землей лишь номинально. Эти связи легко обрывались с момента огораживания.

Корона, нобилити и джентри владели 51.393 акрами земли в изученных Вл.М. Лавровским приходах, т.е. 55,9 % всей упомянутой площади. Огораживание увеличивало площадь дворянского землевладения в связи с обменом, продажей, вознаграждением за ликвидируемые феодальные права. Часть дворян владела и копигольдами, что еще для XVII века констатировал А.Н. Савин. В составе дворянских землевладельцев выделяется своя верхушка, сосредоточившая в своих руках 83,5 % общей площади дворянского землевладения (152). Дворянство лишь в редких случаях руководило хозяйством, предпочитая сдавать земли в аренду. Таким образом, огораживания, увеличивая площадь дворянского землевладения, содействовали росту капиталистической аренды.

Огораживания содействовали росту землевладения духовных лиц. Дело в том, что духовные и светские собственники десятины взамен платежей получали земельные прирезки. Эта земельная компенсация за десятину вышла очень значительной, она равнялась 14,8 % всей земли, полученной при огораживании различными слоями деревенского населения. Десятина возросла с 1/10 до 1/7 всей площади земель. Вся эта операция приближала духовных к среднему дворянству по размерам землевладения. Духовным принадлежало в изученных автором приходах 14.283 акра, т.е. 14,8 %.

Таково вкратце богатое содержание этой последней вышедшей в свет монографии, как бы завершающей изучение истории английского крестьянства, начатое с англо-саксонской общины и законченное с процессом «раскрестьянения», если использовать ленинский термин.

Таким образом, русские историки, посвятившие свои труды социальной истории Англии, дали связную цепь исследований, в которое каждое звено находит подходящее место и находится в тесной связи с другими. Правда, за время от 70 г. XIX до 40 г. XX века сменилось три философско-исторических направления: позитивизм, риккерттианство, исторический материализм. Но эта смена не помешала преемственности в темах разработки социальной истории Англии и можно сказать, что одно поколение историков продолжало работу другого. Следует отметить, что в изучении

французской революции, по преимуществу аграрного вопроса, существует русская школа (école russe), представленная именами Н.И. Кареева⁷⁶, М.М. Ковалевского, Ив.В. Луцицкого, Е.В. Тарле⁷⁷, Е.Н. Петрова⁷⁸ и других. Кажется, не меньше оснований говорить и о русской школе в изучении социальной истории Англии.

История Англии изучалась в России и Советском Союзе не только с точки зрения социальных отношений; политическая и культурная история Англии, а также история торговых и политических отношений между Англией и Россией была предметом изучения русских историков.

Этот вопрос должен быть разработан в отдельной статье.

Архив РАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 235 Л. 1, 73–74, 2–72.
(Публикация А. А. Кузнецова, О. В. Селивановой)

---

¹ *Жак Николя Огюстен Тьерри* (фр. *Jacques Nicolas Augustin Thierry*; 1795–1856 года) – французский писатель, критик, историк романтического направления, один из основателей французской историографии.

² *Франсуа Пьер Гийом Гизо* (фр. *François Pierre Guillaume Guizot*, 1787–1874) – французский историк, литературный критик, политический и государственный деятель. Профессор Парижского университета (1812). Занимал высокие государственные посты (министр внутренних дел, просвещения, иностранных дел, с 1847 г. – премьер-министр Франции). Автор таких работ, как «История английской революции, начиная со времен Карла I» (*Histoire de la révolution d'Angleterre depuis Charles I*, 1826–1827); «История цивилизации в Европе» (*Histoire de la civilisation en Europe*, 1828); «История цивилизации во Франции» (*Histoire de la civilisation en France*, 1830), а также собрания документов по французской истории в 25 томах и по английской истории в 31 томе.

³ *Томас Бабингтон Маколей* (*Thomas Babington Macaulay*; 1800–1859) – британский государственный деятель (военный министр, затем главный казначей), историк, поэт и эссеист викторианской эпохи. Автор пятитомной «Истории Англии» (*History of England from the Revolution of 1688*).

⁴ *Арман Каррель* (фр. *Armand Carrel*; 1800–1836) – французский журналист, историк и публицист; один из основателей газеты «Le National». Под влиянием Огюстена Тьерри, у которого был некоторое время секретарем, написал в 1824–1829 гг. несколько работ на историческую тематику, в том числе «Историю контрреволюции в Англии».

⁵ *Луи Блан* (фр. *Louis Blanc*, 1811–1882) – французский социалист-утопист, историк, журналист, политический деятель. «Письма об Англии» вышли в 1866 г.; это сборник корреспонденций и этюдов для газеты «Temps» за 1861–1863 гг., когда Блан находился в эмиграции в Англии. В них освещались актуальные проблемы британского государства и общества, избирательной реформы, английской школы, внешней политики, парламентских прений, рабочего движения, отношений церкви и государства.

⁶ *Генри Томас* (*Henry Thomas Buckle*) (1821–1862) – английский историк, социолог-позитивист, представитель географической школы в социологии. Под влиянием позитивизма взялся за создание многотомной естественно-научной истории человечества, в итоге выпустил первые два тома – «История цивилизаций в Англии» (1857–1861, русское издание 1863–1864).

⁷ *Генри Джеймс Самнер Мэн (Мэйн)* (1822–1888) – английский юрист, историк, антрополог, социолог права. Генри Мэн считается основателем социологии права, а также юридической антропологии.

⁸ *Генрих Викентьевич Вызинский* (1834–1879) – российский историк, профессор кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Московского университета. В 1860–1861 гг. в Санкт-Петербурге были напечатаны: «Англия в XVIII столетии: Публичные лекции профессора Московского университета Генриха Вызинского. Ч. 1–2»; также был автором вступительной статьи к собранию сочинений Т. Б. Маколея.

⁹ *Николай Алексеевич Осокин* (1843–1895) – русский писатель, ученый-медиевист, генеалог, общественный деятель, профессор Казанского университета, действительный статский советник. Он рассматривал английскую революцию в курсе истории нового времени, а личности Кромвеля посвятил отдельную лекцию (декабрь 1867 г.). *Осокин Н.А.* Личный и исторический характер Оливера Кромвеля. Казань, 1868. 20 с.

¹⁰ *Иван Васильевич Лучицкий* (1845–1918), историк, член-корреспондент Петербургской АН (1908), РАН (1917). Специалист по истории французских Религиозных войн XVI в. и крестьянства накануне Французской революции. Для получения звания приват-доцента осенью 1870 г. прочитал лекцию о генерале Монке, создав его яркий портрет лидера революции и анализ причин реставрации Стюартов в Англии. *Лучицкий И.В.* Генерал Монк // Университетские известия. Киев, 1870. № 11. С. 1–14.

¹¹ *Павел Гаврилович Виноградов* (1854–1925) – историк-позитивист, профессор всеобщей истории в Московском Университете, специалист по истории Англии. Академик АН СССР (1925; академик Петербургской АН с 1914, академик РАН с 1917). С конца декабря 1903 г. – профессор кафедры сравнительного правоведения Оксфордского университета. В 1917 г. произведен в рыцари Англии. В 1918 г. принял британское подданство. С. И. Архангельский слушал его лекции по античной истории и истории средневековья в 1901 году.

¹² *Евгений Алексеевич Косминский* (1886–1959) – советский историк-медиевист, академик АН СССР (1946; член-корреспондент 1939), действительный член АПН РСФСР (1945), заслуженный деятель науки РСФСР (1947). Специалист по аграрной истории средневековой Англии и историографии. С 1926 г. находился в переписке с С. И. Архангельским, лично общались в Москве при выездах туда второго.

¹³ *Максим Максимович Ковалевский* (1851–1916) – социолог, правовед, историк, общественный деятель. С 1877 г. преподавал в Московском университете (с 1880 ординарный профессор). В 1880–1890-х гг. преподавал в европейских и американских университетах. С 1905 г. работал в Санкт-Петербургском университете и других высших учебных заведениях. Действительный член Академии наук (1914). Издатель журнала «Вестник Европы» (1909–1916).

¹⁴ *Иван Петрович Сокальский* (1830–1896) – писатель, историк, публицист, общественный деятель. С 1858 г. профессор кафедры политической экономии и статистики в Харьковском университете; в 1872 г. защитил докторскую диссертацию «Англосаксонская сельская община». Один из учеников – М. М. Ковалевский.

¹⁵ Кобденовский клуб (Кобденовская лига) или «Anti-corn-law-league» (Лига против хлебных законов) – общество, которое с 1838 г. стремилось сначала к отмене пошлин на пшеницу и пр., а затем вообще к установлению свободы торговли. Названо по имени организатора и одного из руководителей – фабриканта и политического деятеля Ричарда Кобдена (1804–1865).

¹⁶ Лига земли и труда – организация рабочих, созданная в Великобритании по инициативе Карла Маркса и при участии английских членов Генерального совета I Интернационала;

в программу Лиги наряду с требованием национализации земли входило чартистское требование всеобщего избирательного права.

¹⁷ *Генрих Рудольф Герман Фридрих фон Гнейст* (нем. *Heinrich Rudolf Hermann Friedrich von Gneist*; 1816–1895) – прусский юрист и политик, один из руководителей Национал-либеральной партии. Профессор юридического факультета Берлинского университета.

¹⁸ Великая хартия вольностей (лат. *Magna Carta Libertatum*, англ. *The Great Charter*) – скрепленный печатью английского короля Иоанна Безземельного документ 1215 г., гарантировавший его подданным определенные привилегии и права. Провозглашенные ею гарантии недопущения нарушений прав английских подданных оказали влияние на становление и развитие института прав человека.

¹⁹ *Уильям Стебс* (*Stubbs*) (1825–1901) – английский историк-медиевист, епископ. Профессор Оксфордского университета (1866–1884). Первым в Англии ввел исторические семинары. Специалист по истории английской церкви и по конституционной истории средневековой Англии; активный участник издания «Серия свитков» (“*Rolls series*”), опубликовал в ней 19 тт. английских хроник XI–XV вв. Основной труд «Конституционная история Англии» (“*The constitutional history of England*”, v. 1–3, Oxf., 1874–1878).

²⁰ Ренталь – список рент.

²¹ *Томас Литтлтон* (*Littleton*) (около 1407–1481) – английский юрист, при Эдуарде IV занимал должность судьи в суде общих тяжб. Автор известного трактата «*On Tenures*», ставшего первым учебником английского поземельного права и не потерявшего значения до сего дня.

²² *Генри де Брактон* (англ. *Henry de Bracton*, *Henrici Bracton*; около 1210–1268) – английский священник, королевский судья, систематизатор английского общего права XIII в. На материалах судебной практики Брактон около 1256 г. написал трактат «О законах и обычаях Англии» (*De Legibus et Consuetudinibus Angliae*, составлен в основном между 1250–1256), изложил в нем систему английского общего права.

²³ *Сэр Джон Фортескью* (около 1394 – около 1476) – английский юрист, барристер (с 1441), политический мыслитель и государственный деятель. Лорд главный судья Англии и Уэльса. Трижды назначался одним из руководителей Линкольнс-Инн. Член парламента Великобритании (с 1421 по 1437). Рыцарь-бакалавр. Основные работы «О прославлении законов Англии» («*De laudibus legum Angliae*», впервые опубл. в 1537) и «Управление Англией» («*The governance of England*», впервые опубл. в 1714).

²⁴ *Джон Росеус* (так у М.М. Ковалевского), в английской традиции *John Rous* (Джон Роус), в латинском написании *Joannes Rossus* – (около 1411/1412 (?) – 1492) – английский историк, священник и антиквар, наиболее известный своей *Historia Regum Angliae* («История английских королей»). Работа, начатая около 1480 г., предназначалась для того, чтобы дать Эдуарду IV информацию о королях и высокопоставленном духовенстве, которые могут быть отмечены статуями в часовне Святого Георгия в Виндзоре. Роус не заканчивал работу до смерти Эдуарда VI в 1486 г., и готовая работа была посвящена уже Генриху VII.

²⁵ Речь в данном случае идет об отчете-описании Англии, составленном неизвестным лицом для венецианского посла, прибывшего в Англию в 1497 г. Описание опубликовано: *A Relation, Or Rather a True Account, of the Island of England: With Sundry Particulars of the Customs of These People, and of the Royal Revenues Under King Henry the Seventh, about the Year 1500*. Printed for Camden Society. London, 1847.

²⁶ Собрание писем XV в., куда вошла переписка между членами семьи Пастонов, их окружением и друзьями. Средневековые письма и документы были впервые опубликованы Джоном Фенном в пяти томах в период с 1787 по 1823 гг. В конце XIX в. Джеймс

Гардинер их переиздал, представив материал в хронологическом порядке и сопроводив сведениями о жизни в Англии XV века. Гардинер внес много исправлений и дополнений в письма. Он опубликовал новое издание в 1904 г. с дальнейшими письмами и комментариями и использовал другую систему нумерации. В 1910 г. его работы были перепечатаны, но для этого использовалось первое издание.

²⁷ Тайный королевский совет – орган советников английских монархов и место слушания законодательных прений, либо в первой инстанции, либо при апелляции. Более того, законы, принятые монархом не по предложению Парламента, а с подачи Совета, имели законодательную силу.

²⁸ *Proceedings of privy council of England*. Ed. by sir Harris Nicolas. London, 1834, 1835, 1837.

²⁹ *Гаррингтон, Харрингтон (Harrington) Джеймс* (1611–1677) – английский публицист, идеолог нового дворянства и буржуазии. Основные произведения («Республика Океания», 1656; «Преимущества народного правления», 1657; «Искусство законодательства», 1659, и др.); пропагандировал разработанный им проект конституции буржуазно-дворянской республики.

³⁰ С. И. Архангельский имеет в виду работу Эрвина Насце «Ueber die mittelalterliche feldgemeinschaft und die einhegungen des sechszehnten jahrhunderts in England» (Bonn, 1869). Она достаточно интенсивно использовалась в труде М. М. Ковалевского.

³¹ *Фредерик Уильям Мейтленд (Frederic William Maitland)* (1850–1906) – британский юрист, историк и преподаватель, нередко рассматриваемый как «современный отец английской правовой истории». Основные труды по истории Англии и английского права в средние века. Профессор истории английского права в Кембриджском университете (с 1888); один из основателей (1887) научного «Селденского общества», созданного для публикации памятников английского средневекового права.

³² *Уильям Кеннингем (Cunningham)* (1849 –1919) – английский историк-экономист. Одним из первых приступил к обобщающим исследованиям по экономической истории Англии и западной цивилизации, используя большое количество источников. Преподавал в Лондонском, Кембриджском и Гарвардском университетах.

³³ *Уильям Джеймс Эшли (Ashley)* (1860–1927) – английский историк и экономист, профессор, представитель историко-экономического направления в английской историографии. Основные труды «Экономическая история Англии в связи с экономической теорией» (ч. 1–2, 1888–1893; русский перевод, М., 1897); *Early history of the English woollen industry*, N. Y., 1887; *An introduction to English economic history and theory*, pt. 1–2, Toronto, 1888–1893; *Tariff problem*, 4 ed., L., 1920; *Economic organization of England*, 3 ed., L., 1949.

³⁴ *Джеймс Эдвин Роджерс (Rogers)* (1823–1890) – английский историк и экономист, основатель историко-экономического направления в английской историографии, профессор; в 1880–1886 член парламента. Многочисленные труды Р. посвящены экономической, особенно аграрной, истории Англии: *History of agriculture and prices in England*, v. 1–7, Oxf., 1866–1902; *Economic interpretation of history*, L., 1888; *Industrial and commercial history of England*, L., 1892; в рус. пер. – *История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX вв.*, СПб., 1899.

³⁵ *Джон Локк (Locke)* (1632–1704) – англ. философ и политический мыслитель, разработал эмпирическую теорию познания и идейно-политическую доктрину либерализма.

³⁶ С. И. Архангельский констатирует последовательность фактов, поскольку П. Г. Виноградов с 1903 г. профессор кафедры сравнительного правоведения Оксфордского университета; британское подданство получил в 1918 г. А Мэн умер в 1888 г.

³⁷ Записные книжки Брактона (Note book) – собрание 1982 протоколов королевских судов, составленное, скорее всего, специально для юриста Генри де Брактона; на основе этого манускрипта он написал трактат «О законах и обычаях Англии». П. Г. Виноградов опубликовал сообщение об этом открытии в лондонском журнале «Athenaeum. A journal of literature, science, the fine arts, music and the drama». L., 1884. 19 July. P. 81–82.

³⁸ Bracton's Note book. A Collection of cases decided in the king courts during the reign of Henry the third annotated by a lawyer of that time seemingly of Henry of Braeton // edited by W. F. Maitland, vol. I–III, London, 1887.

³⁹ *Сибом (Seebom) Фредерик* (1833–1912) – английский историк-медиевист, юрист. Известен исследованиями по аграрной истории средневековой Англии, проблеме генезиса феодализма.

⁴⁰ Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887. Предварительно выходила частями в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1886–1887 гг.: 1886. Ч. CCXLX. Май; Ч. CCXLVI. Август; Ч. CCXLVII. Сентябрь; Ч. CCXLVIII. Ноябрь – декабрь; 1887. Ч. CCL. Апрель; Ч. CCCLI. Май.

⁴¹ Villainage in England: essays in English mediaeval history / by Paul Vinogradoff, professor in the University of Moscow. Oxford, 1892.

<https://archive.org/details/villainageinengl00vinouoft/page/n6>

⁴² Книга Страшного суда (Винчестерская книга, Liber Wintonia, Domesday Book) – свод материалов первой в средневековой Европе всеобщей поземельной переписи, проведенной по приказу Вильгельма Завоевателя в Англии в 1085–1086 гг.

⁴³ *Август Мейцен (Meitzen)* (1822–1910) – нем. статистик, с 1875 г. профессор Берлинского университета. Специалист по аграрной истории Европы. Основные работы: "Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des preuss. Staates nachdem Gebietsumfange vor 1866" (с атласом, Б., 1873), "Die internationale land- und forst- wirtschaftliche Statistik" (Б., 1873), "Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven". (1896).

⁴⁴ *Отто Фридрих фон Гирке* (1841–1921) – немецкий юрист, профессор истории права и гражданского права. Принадлежал к «германистам» – последователям исторической школы права. В частности, усматривал самобытное начало германского права в общности людей, в общественных союзах, проникнутых «социальным духом».

⁴⁵ *Дмитрий Моисеевич Петрушевский* (1863–1942) – крупный российский и советский медиевист, специалист по истории Англии. Академик АН СССР с 1929 г. Состоял в переписке с С. И. Архангельским с 1926 г. по 1942 г.

⁴⁶ *Допш (Dopsch) Альфонс* (14.VI.1868–1.IX.1953) – австрийский историк-медиевист. Профессор Венского университета в 1900–1937. С выходом книги «Хозяйственное развитие Каролингской эпохи, преимущественно в Германии» в 1912–1913 гг. заявил о себе как о крупнейшем представителе «критического направления» в историографии. Выступал против оценки VIII–IX вв. как периода возникновения крупного вотчинного землевладения, закрепощения крестьян, превращения свободной общины-марки в вотчинно-зависимую общину, тезиса о господстве в эту эпоху натурального хозяйства.

⁴⁷ Глафорд (др.-англ. hlaford – «дающий хлеб», «покровитель», «господин») – в англосаксонской Англии – сеньор, феодал, обладающий властными полномочиями над зависимыми крестьянами.

⁴⁸ *Андре Ревиль* (1867–1894) – французский историк, архивист, палеограф, специалист по истории труда и средневековой Англии, профессор.

⁴⁹ *Réville André*. Le soulèvement des travailleurs d'Angleterre en 1381. Paris, France: A. Picard and sons, 1898.

⁵⁰ *Эдгар Пауэлл* (1853–1939) – английский историк, известный работами «A Suffolk Hundred in the Year 1283, the Assessment of the Hundred of Blackbourne for a tax of One Thirtieth, and a return showing the land tenure there», « The rising in East Anglia in 1381: with an appendix containing the Suffolk poll tax lists for that year», « The register of Bisham, co. Berks, 1560–1812», «The peasants' rising and the Lollards: a collection of unpublished documents forming an appendix to “England in the age of Wycliffe”» (совм. редактор Дж.М. Тревельян).

⁵¹ *Powell Edgar*. The Rising of 1381 in East Anglia. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1896.

⁵² Лоллардизм – религиозное движение социально-уравнительного характера, сначала призывавшее преимущественно к благотворительности, но позже выступавшее против иерархии, монашества и учения о таинствах католической церкви. Английские лолларды принимали участие в восстании Уота Тайлера, отстаивая социальное равенство. Их представителем в этом движении был Джон Болл. После подавления восстания лолларды подверглись в Англии преследованиям, бежали в Шотландию и на континент. Историей движения лоллардов занимался последний аспирант С. И. Архангельского – Е. В. Кузнецов. В 1971 г. он опубликовал монографию: Движение лоллардов в Англии. Конец XIV–XV вв. Горький, 1971; в 1973 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Движение лоллардов в Англии конца XIV–XV вв. (Исследование по истории социальной борьбы в феодальной Англии)».

⁵³ en regard (фр.) – параллельно.

⁵⁴ *Уильям Лэнгленд* (англ. William Langland, род. ок. 1331–ум. ок. 1400) – английский поэт, писатель. Его аллегорическая поэма «Видение о Петре Пахаре» (1362) отразила настроение крестьянства в период восстаний XIV в.

⁵⁵ *Игнатий Наумович Гранат* (1863–1941) – российский издатель, основатель (вместе со старшим братом Александром Наумовичем) знаменитого издательства «Гранат». Профессор политической экономии юридического факультета Московского университета. Автор ряда работ на политэкономическую и юридическую тематику.

⁵⁶ В рукописи указана ссылка, в машинописи нет. С.И. Архангельский цитирует из статьи Е. А. Косминского «Исследования А. Н. Савина по истории Англии», опубликованной в сборнике: Памяти Александра Николаевича Савина, 1873–1923. Сб. статей. Труды Института истории РАНИОН. Вып. 1. М., 1926.

⁵⁷ *Ренан (Renan) Жозеф Эрнест* (1823–1892) – французский ориенталист и философ, историк христианства, профессор в Коллеж де Франс.

⁵⁸ Копигольдер (англ. copyholder – держатель по копии) – феодально зависимый крестьянин в позднефеодальной Англии; при вступлении в пользование наделом, чаще всего пожизненное, получал копию – выписку из протокола материального суда; копигольдеры, держание которых было отягчено значительными повинностями, были лишены права юридической защиты и распоряжения наделом без ведома лорда.

⁵⁹ *Айзек Сондерс Лидем* (Leadam) (1848–1913) – английский адвокат, историк и публикатор исторических источников. Член Общества любителей древностей, член совета Королевского исторического общества. Лидем впервые опубликовал протоколы комиссий по проверке огораживаний (создана в 1517 г.) и материалы Звездной палаты и Палаты прошений. Лидем доказывал юридическую обеспеченность копигольда, ошибочно считая, что копигольдеры мало пострадали от огораживаний. Сочинения: What protection does for the farmer, L., 1881; The security of Copyholders the XV and XVI centuries, “English Historical Review”, 1893, t. 8; History of England from the accession of Anne to the death of George II (1702–1760), L., 1909.

⁶⁰ *Савин А.* Английская секуляризация. М. : Университетская типография, 1907. 576 с.

⁶¹ Дислоция (монастырей) – роспуск монастырей в 1535–1540-х гг. в Англии в ходе секуляризации Генриха VIII и передачи их собственности в королевский дом Тюдоров. После дислоции было закрыто 800 монастырей, и большая часть их земель попала в руки «нового дворянства».

⁶² *Valor Ecclesiasticus* (лат. «церковная оценка») – перепись церковного имущества в Англии, Уэльсе и английской части Ирландии 1535 года, проведенная по приказу Генриха VIII для сбора дополнительного налога с церкви в пользу короны (а не Папы, как до церковной реформы). От переписи сохранились 22 тома на латыни и 3 папки в Национальном архиве в Кью; впервые документ был опубликован в первой трети XIX века.

⁶³ Сока (англ. *soke*) – в средневековой Англии иммунитетная привилегия, обычно дававшая крупному землевладельцу право юрисдикции на определенной территории, а иногда лишь право получения штрафов и конфискации имущества жителей этой территории, подлежащих юрисдикции любых других судов (в этом же значении термин употребляется в «Книге страшного суда»).

⁶⁴ *Савин А.Н.* Лекции по истории английской революции. Л.: Государственное изд-во, 1924. 428 с.

⁶⁵ *Vinogradoff Paul.* *Villainage in England; essays in English mediaeval history.* Oxford, Clarendon Press. 1892.

⁶⁶ Сотенные свитки (лат. *Rotuli hundredorum*, англ. *Hundred Rolls*) – свод материалов ряда правительственных описей в Англии XIII в. Особой ценностью обладают Сотенные свитки 1279 г., представляющие поземельную (владельческую) опись, предпринятую при короле Эдуарде I в масштабах всей Англии в фискальных целях короны (розыск повинностей и прав, принадлежащих королю как феодальному сюзеру страны во владениях его вассалов). Эта опись фиксировала структуру маноров, размеры господского домена, юридические категории держаний, их площадь, причитавшиеся с них повинности лордам и так далее. До наших дней сохранился лишь фрагмент этой описи (для пяти среднеанглийских графств). Публ.: *Rotuli Hundredorum*, ed. W. Hlingworth and I. Caley, в сб.: *Record Commission*, v. 1–2, 1812–18 (т. 1 и часть т. 2 – публ. «Сотенные свитки» 1274–1275; «Сотенные свитки» 1279 опубл. неполностью).

⁶⁷ «Посмертные расследования» (лат. *Inquisitiones post mortem*) – это английские средневековые записи о смерти, наследстве и наследниках королевского вассала, создававшиеся для королевских фискальных целей (поскольку его земли до вступления в наследство ближайших наследников переходили в руки короны, т. е. доходы с земли шли в королев. казну). Процесс создания осуществлялся королевскими должностными лицами в каждом графстве, где покойные владели землей. Самые ранние записи были сделаны в 1236 г.; практика прекратилась в 1640 г., в начале Гражданской войны, и была окончательно прекращена Законом об отмене владения недвижимостью 1660 г. «Посмертные расследования» хранятся в Лондонском государственном публичном архиве. Частично изданы в виде т.н. «Календарей».

⁶⁸ Фригольд – феодальное держание в средневековой Англии, наследственное или пожизненное; могло быть рыцарским, крестьянским, городским, церковным. Крестьяне-фригольдеры обладали личной свободой, имели фиксированную ренту, право завещания, отчуждения держания, защиты в королевских судах. Юридически фригольд вместе с другими формами держаний был отменен в 1925 г.

⁶⁹ Делинквент (от лат. *delinquens* – правонарушитель) – субъект, чье поведение характеризуется нарушением правовой нормы, в результате чего возникают правоотношения ответственности.

⁷⁰ *Simington Robert C.* *The civil survey A.D. 1654–1656: County of Tipperary. Volume 1.* Dublin : Stationery Office, 1931.

Simington, Robert C. The civil survey A.D. 1654–1656: County of Tipperary. Volume 2. Dublin: Stationery Office, 1934

Кадастровое исследование середины XVII в. состоит из данных о масштабах и ценности земель, утраченных католическими и роялистскими повстанцами в графстве Типперари после их поражения во время Кромвельского завоевания Ирландии. Первоначальные записи актов гражданского состояния были уничтожены пожаром в 1711 г., но набор копий для 10 округов был обнаружен в XIX в.

⁷¹ Большая печать Шотландии (шотландский гэльский: *Seala Mòr na h-Alba*) позволяла монарху авторизовать официальные документы без необходимости подписывать каждый документ отдельно.

⁷² *Владимир Михайлович Лавровский* (1891–1971) – историк-медиевист, специалист по аграрной и социально-экономической истории Англии позднего средневековья и нового времени; доктор исторических наук (1937), профессор. С 1920-х гг. общался с С. И. Архангельским, помогал ему для исследований 1930-х гг. в подборе изданий в московских библиотеках.

⁷³ The inclosure Awards – официальные юридические документы, фиксировавшие право собственности и распределение земли по решениям комиссаров огораживания.

⁷⁴ *Уильям Блэкстон* (в некоторых русскоязычных источниках может встречаться Блэкстоун) (1723–1780) английский политик, юрист, профессор юриспруденции. Самая известная его работа – «Комментарии к английским законам» (*Commentaries on the Laws of England*) (1765–1769 гг.) – выдержала 8 переизданий при жизни автора. В 1780-х гг. Московский университет выпустил перевод на русский язык этого труда. В этой работе Блэкстон толкует и комментирует правовые нормы, акты и доктрины, существовавшие на тот момент в системе английского права. После смерти Блэкстона новые переиздания книги дополнялись комментариями современных юристов.

⁷⁵ От англ. *reverend* – многоуважаемый, почтенный, а также преподобный.

⁷⁶ *Николай Иванович Кареев* (1850–1931) – крупный российский историк, социолог-позитивист, один из основателей научной социологии в России. Член-корреспондент АН СССР (1925; член-корреспондент Петербургской АН с 1910 года, член-корреспондент РАН с 1917 года), почетный член АН СССР (1929). Специалист по аграрной истории Франции второй половины XVIII века, истории Французской революции конца XVIII века, истории социологии. Находился в переписке с С. И. Архангельским с конца 1924 г., консультировал его по главам будущей монографии в 1927–1929 гг.

⁷⁷ *Евгений Викторович Тарле* (1874–1955) – российский и советский историк, педагог, академик АН СССР (1927). Удостоен Сталинской премии 1942 г. за коллективный труд «История дипломатии». Почетный доктор университетов в Брно, Праге, Осло, Алжире, Сорбонне, член-корреспондент Британской академии (1944), действительный член Норвежской академии наук и Филадельфийской академии политических и социальных наук. Специалист по истории Франции и истории международных отношений.

⁷⁸ *Евгений Николаевич Петров* (1888 – предположительно 1942) – историк, специализировавшийся по аграрно-крестьянским проблемам Великой французской политехнического института, Педагогического института, Финансово-экономического и Планового институтов (по материалам: Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / авт.-сост. Е.А. Долгова. М. : Политехническая энциклопедия, 2015. С. 486).

(Комментарии составили *О. В. Селиванова* и *А. А. Кузнецов*)